

0-782273

На правах рукописи

НАГАПЕТОВА Анжела Герасимовна

**ПРЕОДОЛЕНИЕ «ТЕОРИИ БЕСКОНФЛИКТНОСТИ»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ «ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ» ПРОБЛЕМАТИКИ
В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПРОЗЕ 20-60-х ГОДОВ XX ВЕКА**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Майкоп – 2010

Работа выполнена на кафедре литературы и журналистики ГОУ
ВПО «Адыгейский государственный университет»

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Панеш Учужук Масхудович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Мамий Руслан Гилимович**,
доктор филологических наук, профессор
Бекизова Лейла Абубекировна,
доктор филологических наук, профессор
Хакушев Андрей Ханашхович

Ведущая организация: Кабардино-Балкарский институт
гуманитарных исследований

Защита состоится «16» апреля 2010 г. в 11 часов на засе-
дании диссертационного совета Д.212.001 при Адыгейском государ-
ственном университете по адресу: 385000, г. Майкоп, ул. Универси-
тетская, 208, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиоте-
ки Адыгейского государственного университета.

Автореферат разослан «13» марта 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

Унарокова Р.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность настоящего исследования обусловлена острой необходимостью анализа почти полувекового процесса развития отечественной литературы и новописьменных литератур в аспекте главных эстетических закономерностей исторического времени и современности. Известные катаклизмы 90-х годов XX века во всех областях общественной, государственной и культурной жизни России ускорили кризисные тенденции в искусстве и литературе, базировавшиеся на идеолого-социальных противоречиях советского общества. Они проявились сначала в предвзятой и необъективной критике бесспорных литературных достижений, затем – в абсолютном их отрицании. Были попытки низвергнуть авторитеты не только великих советских писателей М. Горького, В. Маяковского, А. Толстого, М. Шолохова, Л. Леонова, А. Твардовского, но и гигантов передовой общественной мысли (А. Герцена, В. Белинского, Н. Добролюбова, Н. Чернышевского) и великих классиков XIX века. Не принимались произведения, утверждающие гуманизм, веру в человека, мужество противостояния «темным» силам жизни, потенциальные воспитательные возможности советской художественной литературы.

Под теоретическими изысками, направленными против ошибочных, идеологически вредных вульгаризаторских принципов («социальный заказ», «вульгарный социологизм», «теория бесконфликтности» и т.п.), зачастую таилась система взглядов, совершенно перечеркивающая идеологию, жизнеутверждающую философию, – комплекс позитивных гуманистических идей. С позиции борьбы против «теории бесконфликтности» порой выхолащивалось высокое идейно-художественное содержание прозы М. Горького, М. Шолохова, А. Фадеева, Н. Островского, А. Гайдара, Б. Полевого и других писателей, создавших подлинно патристическую литературу.

Было бы ошибочным в рассуждении о конфликте в литературном произведении оперировать термином «конфликт» в общем объеме понятия, не дифференцируя его главные общественные, социальные, эстетические, художественные составляющие.

Художественный конфликт для реализации в литературном произведении, на наш взгляд, требует от автора социолого-философского осмысления жизни, серьезной образованности и – главное – таланта, как интуитивно-творческого, так и художественно организованного. Художественный конфликт в процессе развития нуждается в читательском восприятии и сопереживании. Вот чем, надо полагать, объясняется большой успех в свое время среди читателей «Поднятой целины» М. Шолохова, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Педагогической поэмы» А. Макаренки, «Василия Теркина» А. Твардовского, «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого, «Молодой гвардии» А. Фадеева, «Дороги к счастью» Т. Керашева, «Гвади Бигва» Л. Киачели и других художественных текстов 30-40-х годов XX века.

В этих произведениях посредством пристрастного анализа можно обнаружить изъяны в пружине конфликтного действия, непрописанность

некоторых образов, незавершенность судеб и – часто – их счастливый исход. Последнее обстоятельство объясняется отнюдь не стремлением автора угодить «системе», а желанием рассказать об искреннем стремлении общества к самосовершенствованию через новый труд, пусть даже в старых рамках его организации.

Что касается новописьменных литератур, то к подобным факторам (в творчестве И. Цяя, Т. Керашева, А. Хаткова, Ю. Глюстена, А. Евтыха) необходимо добавить влияние мастеров или современников среди российских писателей (М. Горький, Ю. Либединский, А. Фадеев), ставших на путь художественных исканий несколько раньше и своим опытом щедро делившихся с младшими собратьями по перу. Отсюда и удачи – большие и скромные, и естественные в первых пробах художественные промахи.

Необходимость художественной реакции на призыв партии обратиться к «производственной» проблематике дала в течение 20-50-х годов большое количество печатной продукции на «заданную» тему. Из них за 30 лет было создано немало книг действительно хорошего уровня (Л. Леонова, М. Шолохова, М. Булгакова, А. Платонова, А. Твардовского, В. Овечкина, А. Мухтара, И. Друцз, И. Мележа), однако большинство «производственных» произведений оставалось в продолжение не одного десятилетия в рамках традиции эпигонствующе-компилятивной литературы. Авторы более или менее «благополучного» блока «производственных» повествований (Ф. Gladков, В. Кочетов, М. Шагинян, Г. Николаева) ориентировались на расширение полотна от элементарного колхозно-производственного описания до глубокой сферы взаимоотношений внутри коллектива. Соответственно данная проблематика обладает потенциалом перехода от внешней к внутренней жизни, т.е. возможностью преобразования параметров эпической эпохи в художественную структуру, открывающую возможности многогранного эстетического освоения крупных нравственных и психологических проблем.

Перекрещивание различных временных пластов существенно для объемного отражения основных периодов послереволюционного преобразования деревни, проходившего весьма сложно в таких условиях. Восстанавливая исторический период коллективизации с позиций минувшего, писатели провозглашали идею объективности социальных реформ в деревне и, осмысливая их, со временем выработали особый стереотип произведения о селе с узнаваемыми героями и событиями, как этого и требовали принципы нового художественного метода. Произведения на тему труда были в большей степени детерминированы материалистической идеологией, политическими задачами социалистических изменений в городе и деревне. Независимо от жанров и стилей, эстетических и социальных, личных и общественных предпочтений авторы вольно или невольно оказывались лишь исполнителями в породившей их государственной системе, а их произведения составляли единственно разрешенную и одобренную литературу. Впоследствии авторы, в зависимости от преимущественного интереса к проблемам

производственного или сельскохозяйственного труда, получили в критике названия соответственно «производственники» и «деревенщики».

С течением времени их книги помогли диалектически осмысливать содержание и сущность исторического изменения деревни и города, ориентируя на сложные вопросы современной им реальности, от решения которых в период коллективизации и индустриализации зависели, прежде всего, судьбы крестьян, оказавшихся между жерновами: разрушающимися исконными и еще только формирующимися, далеко не ясными в своей перспективе новыми традициями деревенского труда и быта. Не вдаваясь в социальную и экономическую природу трудовой деятельности российского крестьянства 20-30-х годов, отметим двоякий характер ее нравственно-психологического содержания, нуждающегося в литературном отражении. С одной стороны, тяжелый физический труд, с другой, – осознанная, приносящая физическое, материальное и моральное удовлетворение трудовая деятельность. Эта диалектика оказалась не под силу многим молодым авторам.

Известно, что развитие общества представляет собой сложный процесс, который совершается на основе зарождения, становления и разрешения объективных противоречий. Однако господствовавшая в российском обществе после Октября в течение десятилетий коммунистическая идеология строилась на философии постепенного ослабления противоречий в силу победы справедливых социалистических начал в обществе. Потому в 1920-30-х годах, затем после Великой Отечественной войны эта идея активно пропагандировалась, а в 40-50-х годах XX века приняла «кодовое» название «теории бесконфликтности». Ее зачатки просматривались в 30-е годы в качестве тенденции «бесконфликтного» становления социалистического государства. Но по мере совершенствования «колхозно-производственной» литературы обращение к действительности с неизбежными естественными конфликтами активизирует производственную тему. В 50-60-е гг. писателям все чаще удавалось показывать социальную подпочву изображаемого мира производственных отношений, выявлять новые психологические связи между персонажами, обнажать те проблемы в колхозно-производственном бытии, которые по насыщенности и трагизму обнаруживающихся за ними противоречий никак нельзя было отнести к «бесконфликтным» (В. Овечкин, Е. Дорош, Г. Троепольский, Г. Бакланов, А. Токомбаев, И. Лисашвили, Т. Керашев, Х. Теунов и др.).

Таким образом, постепенно «деревенщики» и «производственники» обращаются к самым трудным и актуальным проблемам бытия человека и социума и делают заявку на глубокое и дифференцированное представление внутреннего мира труженика в данных обстоятельствах. То есть отечественной литературе, преодолев два периода (20-е – начало 40-х гг., конец 40-х – начало 50-х гг.), предстояло выйти на новый реалистический уровень «человековедения» (конец 50-х – 60-е гг.). И мы пытались показать в реферируемой работе драматизм художественного движения литературы в сторону правды труда, производственной жизни и психологии крестьянина.

В первый период (20-е – начало 40-х гг.) происходило накопление опыта эстетического постижения острых, злободневных явлений как современных, так и исторических. Хозяйственная, организаторская работа представляла в произведениях поистине подвигом, подразумевающим преобразование мира и человека на радикальном этапе перехода от эксплуататорской предыстории к действующей истории социалистического общества, к созиданию нового мира в активной борьбе с косностью прошлого. Эта специфика иного существования прогрессивного человека представилась многим советским писателям столь внушительной, что они зачастую использовали в качестве поля развития сюжетообразующего конфликта не судьбу человека с его осмыслением бытия и жизненными стремлениями, а непосредственно производственные процессы, изображая личность лишь в ходе решения технических проблем.

Анализируемые в диссертации произведения Ф. Гладкова, Л. Леонова, В. Катаева, М. Шагинян, М. Шолохова, Т. Керашева, А. Шогенцукова, Х. Теунова и др., относимые к первому периоду, раскрывали тему труда как процесс покорения природы и революционного преобразования действительности. Овладевший литературой пафос социалистического переустройства города и деревни, человека и общества явился мощным стимулятором формирования послереволюционной художественной культуры. В реферируемой работе рассматриваются тексты указанных и других авторов как звено в объективном процессе развития зарождающейся литературы и как вполне автономное ее явление. Следует отметить, что объектом сюжетного движения перестает быть судьба отдельного персонажа. Авторы акцентируют внимание на том, как труд в обстановке советской реальности становится «благословением жизни» (термин Ф. Гладкова).

Во второй период (конец 40-х – начало 50-х гг.) в произведениях Д. Градина, В. Кочетова, Г. Николаевой, А. Токомбаева, А. Шогенцукова, А. Мухтара, И. Лисашвили вместе с новыми конфликтами и старыми проблемами в «колхозно-производственной» литературе так или иначе появляется и крепнет художественная правда в трагических перипетиях и коллизиях. Однако не всегда правда, рожденная сложной эпохой, была полной и неискаженной во имя иллюзии о близящемся всеобщем народном счастье. Преобладающей тенденцией данного периода вновь явилась активизация «колхозно-производственной» проблематики в послевоенной прозе (В. Овечкин, Г. Троепольский, Е. Дорош, В. Тендряков, С. Залыгин, А. Евтых, Ю. Тлюстен), ориентирующей писателей на показ труженика в процессе работы, в борьбе за технический прогресс и новые производственные отношения. Авторы должны были представить человека труда как олицетворение возвышенной морали, революционных традиций и создателя новой жизни.

Изначально в «колхозно-производственной» литературе имели место три основные функциональные линии: во-первых, попытка представить для рядового гражданина процесс труда увлекательным; во-вторых, раскрыть понимание того, в чем именно состоят различные виды трудовой

деятельности, чтобы герой мог определиться в жизни; в-третьих, углубиться в тему «этика труда». Главным для авторов должна была быть верность принципам «партийности и народности, установкам и традициям социалистического реализма», что предполагало совпадение с «велением сердца». Естественно, характер конфликтов и способы их художественной реализации соответствовали концепциям труда и типам героев, как правило, укладывавшихся в рамки схем и шаблонов.

В 1952-1959 гг. наступил перелом в преодолении стереотипов, порожденных идеей бесконфликтности.

Стержневая тенденция «колхозно-производственной» прозы с середины 50-х гг. состояла в постепенно нарастающем неприятии тоталитарной системы как явления, в явно ощутимом, растущем желании ее изменить, защитить личность от посягательств на творческое начало, от культа часто безликого, аморфного диктата «директивной» воли коллектива. Все отмеченные особенности в разных формах были присущи и литературам Северного Кавказа.

Таким образом, актуальность темы данного исследования состоит: а) в необходимости анализа закономерностей литературного процесса 20-60-х годов XX века в свете диалектики соотношения исторических оценок «теории бесконфликтности», их проекции на литературные тенденции первых послереволюционных десятилетий и общего их влияния на судьбы новописьменных литератур; б) в осознании невозможности осмысления подлинной истории отечественной и новописьменных литератур без обстоятельного выяснения возникновения «теории бесконфликтности» и ее идеолого-эстетического воздействия на северокавказскую литературу, в частности. Именно в процессе художественной реализации «производственно-колхозной темы» наиболее убедительно отражаются рецидивы «теории бесконфликтности».

Степень изученности темы. Своими идеологически-художественными исканиями представители «колхозно-производственной» прозы как в отечественной, так и в национальных литературах с самого начала стали привлекать внимание и критиков, и литературоведов. Исследование их достижений нашло отражение в большом количестве статей, в монографических и диссертационных работах таких авторов, как Л. Аннинский, А. Бочаров, П. Выходцев, Л. Демина, Л. Ершов, И. Золотусский, А. Карганов, В. Кожин, В. Коробов, Ф. Кузнецов, В. Курбатов, А. Ланщиков, А. Овчаренко, Л. Панков, Ю. Селезнев, С. Семенова, В. Сурганов, Т. Трифонова, А. Турков, В. Чалмаев и др.

Проблемы генезиса и динамики становления национальной прозы Северного Кавказа частично освещены в монографиях «Национальное своеобразие и творческая индивидуальность в адыгской поэзии» Х. Бакова, «От богатырского эпоса к роману. Национальные художественные традиции и развитие повествовательных жанров адыгских литератур» Л. Беки-

зовой, «Дагестан: историко-литературный процесс» Г. Гамзатова, «Вровень с веком» Р. Мамия, «Типологические связи и формирование художественно-эстетического единства адыгских литератур» У. Панеша, «Преемственность и обновление» К. Султанова, «На пути творческого поиска» А. Схалыхо, «Путь к художественной правде» Х. Туркаева, «На пути к зрелости» Х. Тлепцерже, «Эволюция художественного сознания адыгов» Ю. Тхагазитова, «В зеркале социологии» А. Тхакушинова, «Адыгские просветители» А. Хакуашева, «Некоторые вопросы развития адыгских литератур» Х. Хапси-рокова, «Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах», «XX век: эпоха и человек» К. Шаззо и др.

В перечисленных трудах глубоко осмыслены многие вопросы, связанные со становлением младописьменных литератур, ролью фольклорных традиций в характеризуемом процессе, с современной модификацией жанров в национальных литературах, их своеобразием. Проблемы же «колхозно-производственной» тематики рассматривались лишь в контексте анализа конкретных произведений. В целом же северокавказская «колхозно-производственная» литература, в основе которой первоначально лежала пролеткультовская идеология и эстетика, до сих пор еще не стала предметом специального научного исследования. Эти вопросы и малочисленность конкретных работ по «деревенской» и «производственной» северокавказской прозе¹ делают особо актуальными научно-теоретические основы данной работы.

Немаловажным представляется новое освещение данного периода в отечественной и одновременно северокавказской литературах (на основе рассмотрения текстов «производственной» и «колхозной» прозы), выявление влияния отечественной литературы на младописьменные и обобщенный анализ произведений периода середины прошлого века с позиций другого – нового эстетического и духовного времени. Именно это стремление и является целью нашего научного труда.

Цель предопределила следующие задачи:

- проанализировать обстоятельства возникновения и развития «колхозно-производственной» прозы первого означенного периода в отечественной и северокавказской литературах в условиях воздействия на литературу «теории бесконфликтности» творчества;
- исследовать творческий поиск М. Шолохова в «Поднятой целине» и обозначить влияние романа на становление прозы о труде 30-х – начала 40-х гг. в отечественной и национальных литературах;
- рассмотреть особенности русской и северокавказской литератур начала 50-х гг. в освоении «колхозно-производственной» проблематики;

¹ За исключением Бешуковой Ф.Б. Типологические связи романов М. Шолохова «Поднятая целина» и Т. Керашева «Дорога к счастью». Майкоп, 1996; Латышева О.Ю. Типологические особенности и межнациональные связи русской «деревенской» прозы 60-х годов XX века: автореф. дис. канд. филол. наук. Майкоп, 2000; канд. дис. Аджаматовой Н.К.; Боташевой З.М.

- проанализировать результаты воздействия общесоюзного литературного процесса эпохи «теории бесконфликтности» на характер развития темы труда в северокавказской прозе с середины 1950-х годов;

- выявить и оценить признаки преодоления постулатов «теории бесконфликтности» в отечественной и северокавказской литературах конца 1950-1960-х гг.

Объектом исследования является «производственная» и «колхозная» проблематика в книгах русских и северокавказских авторов в диалектике причин и следствий возникновения и воздействия на прозу «теории бесконфликтности». Материалом послужили произведения В. Катаева, М. Шагинян, Л. Леонова, Ф. Гладкова, М. Шолохова, А. Первенцева, А. Караваевой, В. Ажаева, В. Тендрякова, С. Бабаевского, Г. Троепольского, Г. Николаевой, А. Рыбакова, В. Пановой, Б. Горбатова, В. Овечкина, Д. Гранина, В. Кочетова, И. Эренбурга, Б. Гуртуева, Т. Керашева, Ю. Тлюстена, С. Кожаева, Х. Теунова, А. Евтыха, И. Папаскири, А. Аджаматова, А. Шогенцукова и др.

Предметом исследования стало влияние «теории бесконфликтности» на формирование эстетики «колхозно-производственной» прозы в отечественной литературе и идейно-художественные искания писателей 20-50-х годов XX века России и народов Северного Кавказа.

Научная новизна исследования. «Производственно-колхозная» проблематика и ее влияние на эстетику (жанры, стили) имеют свою методологическую основу. Теоретическими предпосылками явился социологический метод (И. Тэн), обретший в XX веке «новую жизнь» в трудах Г. Плеханова, А. Богданова, А. Луначарского, В. Ульянова-Ленина, рапповских деятелей, целого ряда исследователей литературы советского периода, в том числе и национального литературоведения.

Известно, что социологическая традиция, прямолинейно реализованная в «производственно-колхозной» литературе, оказала определяющее влияние на формирование социалистического реализма и укрепление его далеко не всегда эстетически состоятельных позиций во всех видах культуры бывшего СССР, несмотря на оказываемое противодействие в 20-30-е годы со стороны отдельных творческих групп и индивидуальных художников. Сказать, что «вульгарный социологизм» полностью изжил себя, означало бы недооценить мощь его идеологической энергии, которая и по сей день обнаруживает себя в общероссийской литературе, по-особенному многообразно – в молодых литературах, в том числе и Северного Кавказа. Достаточной степенью новизны обладает научное положение автора, согласно которому генетические корни «вульгарного социологизма» – в истории мирового художественного опыта, ибо любая идеологическая эпоха стремится подчинить себе искусство, о чем много написано в советской литературе 60-х и последующих годов, тем более, эпоха материализма, сделавшая искусство частью общегосударственного механизма.

Кроме этого, в работе впервые в национальном литературоведении осуществлено комплексное изучение северокавказской «колхозно-производственной» прозы в контексте тенденций отечественной литературы 30-60-х гг. XX века и раскрыта ее роль в последовавшей позже активной психологизации художественного творчества 60-х гг., во многом обогатившей литературный процесс. Постановка данной проблемы предопределяет многоаспектность нашего исследовательского внимания, обусловленную стремлением пересмотреть некоторые методологические подходы к постижению литературного процесса на Северном Кавказе, выйти за рамки узких социально-классовых оценок и обратиться к подлинно художественным ценностям.

Методологической и теоретической основой диссертации являются взгляды зарубежных и отечественных теоретиков на проблему «искусство и общественная жизнь», позиции критики и литературоведения в отношении к вопросам художественного метода, конкретнее – социалистического реализма. При исследовании закономерностей эволюции означенной природы художественного творчества в северокавказской литературе мы ориентировались на теорию целостного восприятия отечественной литературы, на идею преемственности, взаимозависимости, взаимосвязи составляющих частей литературного процесса, зависимости русской и национальных литератур. Мы исходили из опыта отечественной литературоведческой школы, разработавшей принципы и методы описательного, системно-структурного, сопоставительного и сравнительно-типологического понимания литературного процесса, применяя их к различным стадиям зарождения и становления новописьменных литератур России. Обращение к подобной методологии вызвано необходимостью понимания конкретно-исторических и литературных ситуаций возникновения национальной «производственной» и «колхозной» прозы, анализа отдельных ее образцов и стремлением показать общие типологические характеристики на этапах развития данной проблематики в литературе.

Означенный опыт сосредоточен в трудах И. Тэна, А. Луначарского, В. Переверзева, В. Плеханова, В. Фриче, рапповцев; в известных работах К. Абукова, М. Бахтина, Л. Бекизовой, Г. Гамзатова, Л. Деминой, В. Жирмунского, Г. Ломидзе, Р. Мамия, У. Панеша, М. Пархоменко, К. Султанова, А. Схалыхо, Л. Тимофеева, Х. Тлепцерже, Ю. Тхагазитова, А. Тхакушинова, М. Храпченко, П. Чекалова, К. Шаззо.

Положения, выносимые на защиту:

1. В художественном произведении конфликт способствует движению структурных компонентов: композиции, сюжета, системы характеров и событий, жанрово-стилевых характеристик исследуемых явлений и процессов и на основе этого выходит к уровню эстетической категории (эпический конфликт, драматический конфликт, лирический конфликт), способной раскрыть идеи, лежащие в глубине материала трагического, прекрасного, комического. Практическая роль конфликта в художественной

прозе состоит в обеспечении им взаимосвязи персонажей, событий, идей в создании для них обстоятельств самораскрытия.

2. Художественный конфликт был предметом серьезного внимания теоретиков искусства в разные исторические эпохи (начиная с Аристотеля, завершая современными учеными). Эволюция эстетического содержания конфликта в известных методологических системах, последовательное возрастание идеи зависимости искусства от общественной жизни (от простого подражания природе до «вульгарного социологизма») в конечном итоге привели некоторых исследователей к мысли о приоритете содержательной фактуры текста над его художественными показателями.

3. В XX веке в российской культуре и духовном процессе социологизм, восприняв из предшествующей теории искусства мысли о социальной природе художественного творчества, превратил позитивные положения системы «искусство и общественная жизнь» в идеологически и эстетически активную и агрессивную силу, фактически разрушавшую культуру, литературу, оставив из них то, что соответствовало принципам тоталитарно-государственного руководства духовными явлениями.

4. «Здоровый» социологизм, веками накопивший большой опыт в художественном исследовании общественных закономерностей, был обстоятельно извращен и последовательно размешан быстророжденными идеями о прямой зависимости эстетических форм произведения от государственного заказа, социально-классового статуса их создателей, тем самым обеспечив превращение в «вульгарный социологизм», который в 20-30-е годы и стал главным законом советского культурного пространства.

5. В самой основе Пролеткульта заложена идеология «вульгарного социологизма»: пролетарское искусство должно обслуживать пришедший к власти пролетариат, при этом определить наглядно и безапелляционно эстетику и психологию, стереотип героев, обстоятельства, конфликтных параметров, стиль и жанровые формы, творческое поведение писателя. Практически все требования отразились на так называемой «производственной» (промышленной), а затем и «производственно-колхозной» литературе, и весьма болезненно – на прозе, очень популярном и распространенном жанре обновляющейся отечественной и зарождающейся новописьменной литератур.

6. Создание «производственной» и «производственно-колхозной» прозы (Ф. Гладков, М. Шагинян, М. Шолохов, Л. Леонов, Ф. Панферов и др., писатели Северного Кавказа) в 20-30-х годах способствовало попытке формирования нового типа колхозного романа (реже – повести, рассказа), в национальных литературах – фактическому образованию жанров прозы (от очерка к роману). «Поднятая целина» – важнейшее звено в этом процессе, и внимательное прочтение позволяет сделать вывод о трагическом несоответствии внешней коммунистической идеологической проблематики драматически напряженным сложностям подлинных людских судеб в художественной и нравственно-гуманистической структуре романа.

7. «Производственно-колхозный» роман приобрел в послевоенной отечественной литературе убедительные признаки эстетически самодостаточной прозы о деревне. Это проявилось в осознании судьбы русской деревни как возможного и необходимого обновления крестьянской духовности и преодолении пресловутой «теории бесконфликтности» творчества; актуализации проблемы художественного метода в связи с драматическими метаморфозами в его идеологических обоснованиях и попытке возвращения «производственно-деревенской» прозы к отображению объективно-драматических обстоятельств.

8. На 40-60-е гг. приходится осмысление идентифицирующих явлений в общественных процессах и в северокавказской «производственно-деревенской» прозе, обобщенно-эпический взгляд писателей на действительность сопровождается стремительно-динамическим включением в него лирико-психологической субъективности и энергии самораскрывающейся личности. Формирование национальной художественной прозы, помимо обогащения психологизмом, включало последовательно усложняющуюся обращенность авторов к историческим судьбам деревни, к нравственным и психологическим архетипам и в целом к ментальности народов.

9. Отечественная (русская и национальная) проза на «производственно-колхозную» тему развивалась следующим образом: минув два в основном эпических (описательных) периода (30-е – начало 40-х гг. и конец 40-х – начало 50-х гг.), она достигает в промежутках между ними убедительных, хотя и редких, подлинно реалистических результатов, выходит на новый художественный уровень (конец 50-х – 80-е гг.), направленный к личности, к индивиду, вовнутрь морально-психологического мира членов общества в процессе именно трудовой деятельности.

Практическая значимость работы определяется потребностями науки во всестороннем анализе проблем эволюции конфликта и соответствующей трансформации формы в отечественной литературе, в том числе и Северо-Кавказского региона, нуждающихся в инновационном исследовании. Материалы диссертации возможно использовать при составлении учебных программ, написании учебников по истории новописьменной и отечественной литератур XX века для высших учебных заведений. Исследование способно оказать опосредованное влияние на творчество писателей и методологическую концепцию критики, поскольку предлагает необходимое изменение вектора поисков новых духовно-эстетических ориентиров.

Апробация работа прошла на ежегодных отчетных обсуждениях кафедры литературы и журналистики АГУ, на международных, всероссийских и региональных научных конференциях: «Творческая индивидуальность писателя: теоретические аспекты изучения» (Ставрополь, 2008), «Литература народов Северного Кавказа: художественное пространство, диалог культур» (Карачаевск, 2008), «Советский менталитет: источники и тенденции развития» (1994), «Развитие непрерывного педагогического образова-

ния в новых социально-экономических условиях на Кубани», «Духовно-нравственный потенциал России: идеология, политика, практика», «Россия и Запад: прошлое, настоящее, будущее, перспективы развития» (Армавир, 1997, 1998, 1999, 2007, 2008), а также в Нальчике, Майкопе, Краснодаре, Ростове-на-Дону. Результаты исследования изложены в 36 публикациях, в том числе – в трех монографиях.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключение и библиографии.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы, ее научная новизна, определяются цель, задачи и методологические основы, формулируются положения, выносимые на защиту, теоретическая и практическая значимость исследования. Содержится краткий очерк предыстории «производственной» проблематики в литературе.

В первой главе «Художественный конфликт как важнейший элемент проблематики и жанрово-стилевой структуры произведения, его роль в становлении «производственной» и «колхозно-деревенской» прозы» рассматриваются теоретические и историко-литературные позиции осмысления категории конфликта, его классификаций; предпосылки формирования и научного анализа «теории бесконфликтности».

В частности, выделено понятие художественного конфликта с многочисленными трактовками (Л. Тимофеев, М. Храпченко, В. Кожин, В. Хализев, М. Эпштейн, Н. Тамарченко, К. Шаizzo). Охарактеризованы писательские взгляды на конфликт и коллизию, на роль сюжета в развитии конфликта (И. Бехер, М. Горький, М. Метерлинк, Б. Шоу). В классификационной картине конфликтов внимание сосредоточено на типологиях В. Проппа, Ю. Борева, П. Пави, И. Ефремова, А. Аникста, идеях Г. Гегеля. Автор кратко касается сути критического неприятия «теории бесконфликтности» с тем, чтобы в характеристике литературного процесса 40-60-х годов дать более полное представление о проблеме преодоления «теории».

Одновременно с ключевым понятием «конфликт» используется семантически полярный ему термин «бесконфликтность», позволяющий более глубоко исследовать «теорию бесконфликтности» в литературе. Возникновение соответствующей «теории» можно считать неизбежным явлением в общественно-политических условиях рассматриваемого исторического периода, когда художники и писатели должны были подчиняться директивам партийного руководства, а их индивидуальность и творческая свобода имели минимальное значение.

Симптомы этой опасности испытала, прежде всего, многожанровая литература о деревне, «разбуженной» революцией после Октября. Однако данная грань деревенского бытия художественно восстанавливалась согласно полярным точкам зрения, под пером различных авторов, получая отнюдь не целостную идейно-эмоциональную оценку. Нет возможности

свести к одному творческому знаменателю то, что писали, например, С. Есенин и Б. Лавренев, И. Вольнов и Л. Сейфуллина, А. Неверов и В. Иванов, С. Подъячев и В. Шишков, Б. Пильняк и Л. Леонов. Авторы постоянно дискутировали друг с другом, выражая собственное осмысление действительности, трансформировавшей российскую деревню.

В главе характеризуется раннее творчество Ф. Гладкова о жизни рабочих, крестьянской бедноты, каторжников и босняков – в духе натурализма «физиологических очерков» или раннего М. Горького. Личное восприятие и понимание революции крестьянством дает Ф. Гладков в книге «Огненный конь» (1922), воссоздавая назревающее в героях брожение, оформляющееся в мысль идти в бой за «новую правду». Романтизм ощущений героев находит выражение в романтическом стиле 20-х годов, с рубленой прозой и орнаментальностью языка, засоренностью стиля диалектизмами. Именно этот факт вызвал критику М. Горького, положившую начало дискуссии о стиле новой литературы.

Ретроспективный взгляд на «колхозно-производственную» тему как тему творческого труда, без которого немислимо существование человека социалистической эпохи, приобретает, как утверждает критика 50-х гг., «...еще большую поэтичность и окрыленность, по сравнению с литературой предшествующих лет»¹. Процесс созидательного труда, образ героя-преобразователя получают свои контуры в эпоху реставрации социалистического народного хозяйства и утверждаются в литературе 30-50-х годов.

Главным генератором мечты и цели были государство и большевистская партия, чьи «созидательные» заботы находили непосредственное отражение в «колхозно-производственных» сюжетах литературы на протяжении почти всего советского периода с 1920-х по 1960-е годы: выпуск высокосортной стали («Сталь и шлак» В. Попова), добыча нефти («Больно берег крут» К. Лагунова) и угля («Труд» А. Авдеенко), строительство металлургических комбинатов («Большая руда» Г. Владимирова), выпуск сельскохозяйственной техники («Битва в пути» Г. Николаевой), строительство гидроэлектростанций («На большой реке» А. Югова), внедрение новой техники («Искатели» Д. Гранина) и технологий («Иначе жить не стоит» В. Кетлинской), освоение целинных земель («Целинники» Р. Лихачёвой) и даже строительство новых городов («Мужество» В. Кетлинской).

Аналогичные качества возникали и в литературах Северного Кавказа. В адыгских литературах, в частности, выросли и сформировались, как минимум, три поколения людей с индивидуальным стилем художественного мышления. К примеру, в адыгейской – Т. Керашев, А. Хатков, И. Цей, Ш. Кубов, М. Паранук, Ю. Тлюстен, А. Евтых, Д. Костанов, С. Яхутль, К. Жанз, Х. Ашинов, И. Машбаш, Х. Беретарь, П. Кошубаев, К. Кумпилов, Н. Куек, С. Панеш, Ю. Чуяко, Н. Багов, Ш. Куев, М. Тлехас и другие. На материале творческих биографий многих из них и других литераторов Се-

¹ Ковалев В. Очерк истории русской советской литературы. Ч. 2. М., 1955. С. 8.

верного Кавказа в соответствующих главах диссертации рассматриваются особенности художественного освоения ведущей проблематики эпохи в атмосфере воздействия «теории бесконфликтности» на протяжении 20-х – начала 50-х гг. и ее преодоления с середины 50-х и в 60-е годы XX века.

Разработка «производственной» темы в отечественной литературе началась в рамках романа, всецело подчиненного решению задач труда и строительства (Ф. Гладков, А. Караваева, В. Каверин, Л. Леонов, А. Малышкин, В. Лидин, Б. Лавренев и др.). По замыслу авторов, два типа конфликтов (борьба вокруг того или иного технического нововведения и противостояние новаторов и консерваторов) призваны наглядно иллюстрировать новейшие тенденции формирования советского общества, обусловленные устранением пережитков капитализма в нравах и психологии людей. Писатели, увлеченные выдающимися темпами труда, колоссальными размерами распространившихся по всей державе проектов, промышленным «ландшафтом», менее интенсивно всматривались в человека, менее интересовались его духовной сферой, психологическими состояниями, и налицо была явная схематичность персонажа и упрощенность стиля.

При этом имели место книги не просто о строительстве, а о строительстве в некоем идеологическом контексте, понимаемом как воплощение в жизнь идеалов социализма, как максимальное переустройство действительности.

В критике советских лет с удовлетворением отмечалось, что в 30-е годы «трудовая» грань советской литературы продолжала «...органически сочетать в себе социально-классовые и философско-исторические акценты, существенно обновляя в то же время характер художественных конфликтов и повествовательный стиль».¹ К сожалению, обновление измерялось степенью погружения автора и его героев в процесс или стихию свободного труда, уровнем сосредоточенности на работе советского гражданина. Естественно, режим поощрял создание целой череды произведений, которые объясняют смысл и значение свободного труда, минуя вовлеченного в его процесс человека (В. Катаев «Время, вперед!» (1932), М. Шагинян «Гидроцентральный» (1931), К. Паустовский «Кара-Бугаз» (1932) и «Колхида» (1932), Я. Ильин «Большой конвейер» (1936) и др.).

По мысли авторов, только то, как именно персонаж воспринимает технический прогресс, может позволить многогранно и достоверно обнаружить личность, а жизнь и поведение в быту должны были полностью определяться отношением героя к труду в ходе производства. Однако зачастую сюжет человека и техники все активнее продвигался в противоположном направлении – с опознавательным знаком «расчеловечивания» литературы. Хотя были и произведения о человеке, живущем своим трудом и человеческую жизнь созидаящем вокруг себя («Соть», «Дорога на океан» Л. Леонова, повести А. Платонова, романы А. Макаренко, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Поднятая целина» М. Шолохова). В результате же

¹ Ковский В. Литературный процесс 60-70-х гг. М., 1983. С. 209.

массированного энтузиазма других авторов появилось значительное число «производственных» повествований, практически никогда не превосходящих по качеству однообразную агитационную пропаганду или репортаж.

Как свидетельствует анализ прозы подобного типа, ей не удавалось собственными средствами изучать внутренний мир труженика, творца материальных и духовных благ. Автор обходился комментариями и рассуждениями, соединявшими публицистику с описаниями. Распространение литературы такого рода предвосхищали произведения Ф. Гладкова, чье наиболее популярное творение «Цемент» (1925), изображающее напряженный труд при восстановлении полуразрушенного завода, признавалось в отечественной критике романом, находящимся у истоков «производственной» темы в русской литературе. «Цементом» юного советского социума в романе Ф. Гладкова оказывается рабочий класс. Стержневыми, направляющими развитие конфликта в романе выступают противоречия, завязавшиеся в процессе трудовой деятельности. В конечном итоге конфликт разрешается чрезмерным трудом, первостепенным в жизни, вознаграждением за который оказались достижения в области создания энергетики государства.

Обязательное стремление к положительному образу социалистической действительности проявилось и в других произведениях означенного периода. «Доменная печь» (1925) Н. Ляшко, «У станков» (1924) А. Филиппова, «Домна» (1925) П. Ярового и «Стройка» (1925) А. Пучкова – повести о начальном этапе индустриализации государства. В большинстве случаев авторам исключительно удавались центральные персонажи, причем и они выходили слишком приподнято-идеализированными. Другие герои казались тусклыми и шаблонными. В эпизодах, изображающих обыденность жизни рабочего класса, нередко преобладал избыточный натурализм.

Большинство советских писателей, авторов «производственной» темы, – и Ф. Гладкова, и В. Катаева, и М. Шагинян, и А. Малышкина, и Ф. Панферова – в соответствии с идейными установками должно было интересоваться формированием человека нового времени, возрождение и восстановление тех или иных предприятий должно было представлять возвышенно-символической метафорой воссоздания личности. Однако далеко не всем из перечисленных писателей удавалось изобразить эти процессы творчески оригинально, со всевозможной степенью погружения в сферу людских взаимоотношений.

Причиной стали серьезные проблемы, возникшие перед авторами. Прежний быт, отрегулированные веками традиционные устои или разваливались, или существенно менялись, а новые традиции были неопределенными. И именно поэтому у романистов 20-30-х годов (Ф. Гладкова, Л. Леонова, А. Толстого, М. Шолохова) показано зарождение или развитие социально-общественных взглядов при обязательном в большинстве случаев разрушении семейно-бытовых уз, что присуще даже «строгим положительным» героям (например, Глебу и Даше Чумаловым в «Цементе» Ф. Гладкова). Однако новые конфликты так или иначе закреплялись в литературе. Для сравнения обратимся к ранней прозе «попутчиков». Для нее были ти-

пичны конфликты двух модификаций: психологический – борьба между тягой к новому и приверженностью к старому («Города и годы», «Братья» К. Федина, «Барсуки», «Вор» Л. Леонова, «Хождение по мукам» А. Толстого) и социальный – противопоставление организующей воли большевиков всенародной стихии («Россия, кровью умытая» А. Веселого, «Железный поток» А. Серафимовича, «Партизанские повести В. Иванова»). Конфликты первой модели отличались психологической окраской, особым драматизмом, широким полем проявления.

В 30-е годы все более активное распространение приобретает такой тип конфликта, при котором эпоха выявляется через детали социалистического строительства, и соответственно в центре внимания авторов, в первую очередь, участники трудового коллектива. Преобладает внешняя схема действий персонажа, а психологическая мотивация его поведения оказывается незримой для читателя. Производственная хроникальность, по сути, побуждала к шаблонности и описательности.

Необходимо помнить, что в общую картину типологии конфликтов вносит весьма заметные краски тот факт, что к концу 20-х – началу 30-х гг. оживилась, активизируя новую, коллективную жизнь, многомиллионная деревня. Основываясь на художественных традициях романа о деревне 20-х годов, М. Шолохов, Ф. Панферов, К. Горбунов, И. Шухов и другие создали в конце 20-х – начале 30-х годов значительные произведения о крестьянстве периода «великого перелома», первой пятилетки (о чем речь ведется во 2-ой главе данного исследования).

Первая пятилетка с ее масштабом строительных работ, интенсивностью общественных реорганизаций поставила перед писателями проблему постижения «социалистической нови», изыскания психологической мотивации созидательной деятельности человека, его мировосприятия и характера, быта и нравов стремительно трансформирующейся реальности. Эти факторы нашли отражение и в литературных дискуссиях о методе, его значении для воззрений художника, о непосредственных задачах советских авторов в эпоху радикальных социальных преобразований, в частности, воспитании новой личности.

Проблема становления нового общественного строя, человека новой эпохи и сопутствующие ему конфликты запечатлены в произведениях на «производственно-воспитательную» тему Ф. Gladкова, В. Катаева, Л. Леонова, М. Шагинян, А. Платонова, Н. Островского, А. Макаренко и др., творчество которых анализируется в исследовании. В результате диссертант приходит к выводу о том, что эта группа писателей, продолжая дореволюционную эстетику или закладывая основы новой, вышла на уровень создания новых традиций, к примеру, рожденных атмосферой революции, не способствовавшей выживанию слабых характеров и не принимавшей даже некоторой неопределенности в них. Поэтому большинство писателей данного периода обладают определенной коллективной романтической особенностью: их герои – люди мощных страстей, для которых авторы

предпочитают резкие, порой парадоксальные суждения, высказывания, сосредоточенные в рамках одной темы («Соть» Л. Леонова, «Время, вперед!» В. Катаева, «Педагогическая поэма» А. Макаренко).

В анализе названных романов диссертант выходит за пределы их типологической общности. Так, в романе «Соть» просматривается традиционное для Л. Леонова внимание к внутреннему миру человека и стремление вслед за Ф. Гладковым максимально уравнивать понятия «созидательный труд» и «гуманизм». Роман «Время, вперед!» талантливо передает истинную высокую температуру трудового энтузиазма, позволившего вступить в своеобразное соревнование с капиталистическими нормами труда. Сделав стержневым элементом конфликта время, автор не только убыстряет процесс формирования новой психологии, но и, преодолев законы статичного романного повествования, создает новый жанр романа-хроники. В какой-то мере близок к данному жанру и роман М. Шагинян «Гидроцентральный».

Стирание граней между романами о труде и воспитании нового человека стало предметом интереса в «Педагогической поэме» А. Макаренко. Эта «поэма о воспитании» интересна строгой добротой и благожелательностью, нашедшими воплощение в настоящем юморе, что сближает «Педагогическую поэму» с романом «Время, вперед!».

Есть необходимость сопоставить пафос романа В. Катаева с повестями адыга А. Евтыха «Превосходная должность» и «Аул Псыбэ», другими произведениями северокавказской литературы 50-60-х годов, хотя между ними существует небольшая временная разница.

Однако в 30-е годы в «производственной» литературе преобладала «музыка» промышленных предприятий, изображение бытия техники — машины становятся «героями современности». У многих писателей появляется в основе сюжета не характер человека, а непосредственно технологический процесс, определяющий судьбу центрального персонажа. Именно она зависела от разрешения текущих производственных проблем.

Данная тенденция развивалась в литературе под влиянием ее официального регламентирования со стороны ЦК ВКП(б) (постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. и подобные им явились государственной цензурой, насильственно насаждающей принципы «бесконфликтности» в литературе).

В 1932 г. были распущены все литературные объединения, в 1934 основан единый Союз писателей. Идеологический пресс особенно усилился в конце 30-х годов. В частности, социалистический реализм, определенный Уставом Первого съезда писателей как единственный художественный метод, практически ограничивал мастеров слова, заставляя их писать только в рамках, определенных эстетикой реализма. Необходимо отметить, что далеко не все писатели принимали постулаты нового метода. Свидетельства этого — некоторые факты дискуссионной «оппозиции» в речах и мнениях на I съезде и в его кулуарах М. Шолохова, К. Симонова, В. Инбер, А. Макаренко, А. Суркова, М. Пришвина, А. Новикова-Прибоя и др.

И в дальнейшем, даже после смерти Сталина, социалистический реализм продолжал господствовать как общепринятая теория искусства, «законопослушные» авторы тщательно реализовывали «социальный» заказ партии, возглавляющей и ориентирующей современников на достижение общегосударственных идеалов.

Таким образом, метод, долженствующий способствовать становлению нового искусства, став послушным политике партии, как признается в современной критике, обнажал шаг за шагом свою несостоятельность. Одним из его порождений явилась идеология бесконфликтности в литературе, предполагавшая тенденцию облегченного изображения жизненных проблем в искусстве.

Обращаясь к тематике, обсуждавшейся на Первом съезде Союза писателей, следует отметить, что всякая «конфликтная», к примеру, военная тема в прямом выражении, несомненно, отошла на второй план по сравнению с темами созидательного труда, исключавшими в заданных условиях исследование человека в острых, драматических проявлениях его характера, воззрений, личностных позиций. Эти идеи осмысливаются в диссертации в процессе анализа множества произведений разных авторов и разных национальных литератур на широком хронологическом фоне.

Тем не менее результаты Первого съезда писателей оказали серьезное воздействие на последующее становление организационных форм и развитие северокавказской литературы. Так, применительно к Адыгее, после съезда, на котором присутствовали Т. Керашев и А. Хатков, было образовано Адыгейское отделение Союза писателей. В конце 1936 года был проведен Первый Съезд писателей и ашугов Адыгеи, на котором активно дискутировалась проблема нового метода — социалистического реализма, нового художественного языка.

В конце 30-х годов в Кабарде, Черкесии, Абхазии национальные отделения Союза писателей активно участвовали в создании новой литературы прежде всего на «колхозно-производственную» и революционную тему. Каждая национальная литература с разной степенью успеха постигала художественный опыт русской литературы и выработанный веками в других литературах арсенал писательского опыта, который довольно органично вписывался в рисунок национального художественного творчества. Правда, большинство северокавказских авторов, часто в рамках господствовавшей во всех литературах страны «теории бесконфликтности», пытались образовать некую органическую связь между формированием нового советского характера и самим процессом социалистического труда, раскрыть общественно-исторические закономерности, послужившие стимулом «массового духовного обновления». Произведения 30-х годов, как правило, были насыщены высоким разоблачительным пафосом, посредством которого усиленно отвергалось прежнее общественное устройство. И одновременно осмысливались социально-политические изменения в судьбах горских народов, чье энергичное участие в строительстве новой жизни

преподносило писателям обильный жизненный материал, который они считали себя обязанными художественно осваивать.

Однако ведущая для советской литературы 20-30-х гг. «производственно-промышленная» тема в ее наиболее типичных модификациях не могла быть популярна для национальной прозы – завод, фабрика, шахта, рабочая среда, повседневная жизнь рабочего коллектива со всеми сложностями и проблемами редко отображаются в книгах северокавказских писателей, поскольку рабочего класса как такового в национальных республиках еще не было¹. Острый поворот в истории определил новую тему прозы и новый характер очерчиваемого конфликта. Единственный мотив, к которому чаще обращается северокавказский автор, – послереволюционная деревенская действительность и последовавшие позже годы коллективизации, т.е. сугубо сельская тематика.

Открытое праздничное ощущение грядущего трудового дня, социалистического состязания – это стержневые эмоции персонажей, с которыми знакомят читателя авторы. К примеру, у черкесского писателя А. Охтова счастье обретенного безмятежного труда становится истинной лирикой. В повести «Цветущая долина» изображено возвращение бойца на родину, как и в повести Д. Костанова «Две высоты». Но, стремясь создать приближенные к реальности произведения, писатели зачастую оказывались не в состоянии нарисовать в повествованиях «полнокровные типические характеры», что делало развитие прозы несколько однобоким. Одновременно ее язык был не ярок, стилистически однообразен, переполнен пропагандистско-публицистическими выражениями.

Однако имели место и положительные тенденции. Жанр повести, в сравнении с другими прозаическими жанрами, отличался более высоким художественным уровнем. Применительно к адыгским литературам можно говорить о том, что конфликт здесь находился на стыке двух ведущих общесоюзных тематик – «трудовой» и «историко-революционной». Соответственно на пересечении конфликтных линий представлен рядовой, чаще сельский трудящийся, сознательно приходивший к новой идеологии и в светлом «бесконфликтном» финале становившийся сознательным борцом за ее идеалы. В кабардинской литературе такие писатели, как С. Кожаев, Д. Налоев, З. Максидов и др., пытались преодолеть излишнюю патетику, односторонность изображения персонажа, стремясь показать его в ходе идеологического взросления, личностной трансформации, включали в изображение непривычные сюжетные приемы. При едином революционном пафосе эта проза привлекала обращенностью к национальной психологии, к историческому опыту народа в нравах и поведении.

Рассказы и повести в кабардинской литературе создавались в большинстве случаев по принципу соцреалистического противопоставления

¹ Однако была попытка развить новую тему в романе Т. Керашева «Дорога к счастью» (1 вариант).

старого и нового мира (Д. Налоев «Начало», З. Максидов «Этого забывать нельзя», А. Шогенцуков «Под цветущей грушей», Х. Теунов «Новый поток», С. Кожаев «Новь» и др.). Названные произведения явились следствием свершавшихся в национальных регионах социальных преобразований. Идентичная ситуация развивалась и в других северокавказских литературах, о чем свидетельствуют произведения карачаевского писателя Х. Аппаева «Черный сундук», чеченского прозаика С. Бадиева «Петимат», Х. Гашокова «Трактор и люди» и др.

Итак, далеко не всем северокавказским писателям удавалось обнаруживать сущность конфликтов действительности, выявлять их общественно-политические стимулы и этнические признаки, обусловленные географическими, историческими и другими особенностями. Однако эту, пусть и несколько примитивную, стадию национальным литературам необходимо было миновать, чтобы с годами осознать необходимость углубления в менталитет и психологию личности, обусловившую впоследствии обогащение национальных идейно-эстетических традиций.

Во второй главе «Особенности художественного конфликта в «Поднятой целине» М. Шолохова и осмысление «производственной» проблемы в северокавказских литературах» рассматриваются содержательные и структурно-жанровые особенности романа М. Шолохова, его статус и значение для отечественной и новописменных национальных литератур Северного Кавказа.

Так называемая тема «социалистического переустройства деревни», «рождения новых, социалистических взаимоотношений» заняла существенное место в литературах народов СССР. Драматизм процесса, обличение классового врага служили конфликтообразующими элементами в трилогии В. Ставского, книгах «Бруски» Ф. Панферова, «Ненависть» И. Шухова, «Ледоход» К. Горбунова, в «Поднятой целине» М. Шолохова и во многих произведениях национальных литератур, появившихся во второй половине 30-х гг. не без прямого или косвенного влияния шолоховского романа. Тем не менее, несмотря на некую общность сюжетов, проблем, каждое из тематически близких роману М. Шолохова текстов выделяется этнической самобытностью и определенностью. При явной хрестоматизации «Поднятой целины» как основного произведения социалистического реализма о деревне роман М. Шолохова существенно отличался от других российских произведений глубиной и напряженностью социальных и психологических столкновений. Его пример для национальных литератур заключал в себе большие идейно-тематические возможности. Это подтверждается и нашим анализом художественного отражения «новых» коллизий в деревне, переживавшей радикально-трагический поворот к неведомому.

В северокавказской прозе рассматриваемого периода на «деревенскую» тему написаны рассказ «Арк» и роман «Дорога к счастью» Т. Керашева, новеллы «На заре» и «Туман» И. Цея, «Аминэт» Ю. Тлюстена, «Бекир» Б. Гуртуева, «Тяжелая операция» Д. Мамсурова и др. Очевидно влияние «Поднятой

целины» на роман абазинского прозаика Х. Жирова «Пробуждение гор», ногайского писателя Х. Абдулжалилова «Бурный поток». Общепринятой методологической установкой для всех национальных литератур была ориентация на экономические и культурные перемены как убедительный материал для создания писателями произведений социалистического реализма, для оптимистической художественной трактовки образа народа, строящего коммунизм. Отсюда общая черта большинства книг 30-х годов – интенсивная направленность на принятие идеологических догм, склонность к изображению «старого и нового» мира, обнаружению его конфликтов, условий, в которых вызревало социальное самосознание каждого члена общества.

Коллективизация индивидуальных крестьянских владений была гигантским, невиданным в предыдущей истории процессом, который представлялся как народное движение, как глобальное обновление бытия и сознания. Литература воспроизводила специфику массового мышления того периода, трансформацию, перестройку всей действительности. В подобной ситуации разрушались не только экономические основы существования деревни, но и веками формировавшийся быт, психология крестьян. За уничтожавшимся старым стояли столетние традиции, лежавшие в основе этических норм, которые служили неким моральным кодексом. Идеологию власти далеко не всегда устраивал сам факт живописания переворота в мировоззрении крестьян, стремительной переделки их сознания, исключаящей диалектику происходящего. «С кровью и потом» был первоначально назван Шолоховым роман «Поднятая целина», как точное обозначение происходящего в начале 30-х годов.

Погружение в многогранный мир русского крестьянина, в некоторой степени объективное воссоздание противоречий и тягот, испытываемых деревней, склонность к обобщениям – именно эта особенность характерна для крупнейшего отечественного произведения 30-х годов о коллективизации – романа М. Шолохова «Поднятая целина» (1932). Значимость его в том, что писатель обрисовал не единичные, хотя и чрезвычайно важные, аспекты периода объединения хозяйств, а непосредственно всю эпоху с запутанными и разноречивыми коллизиями, затрагивающими и зачастую глобальным образом меняющими людские судьбы и нравы. На новой стадии писательской биографии М. Шолохов намеренно предпочел испытанную творчеством рубежа 20-30-х гг. роль свидетеля происходящего, так называемого «хроникера». Но вскоре Шолохов отказывается от этого, невольно становясь участником революционных событий в деревне, о чем свидетельствуют его письма Сталину, газетные корреспонденции. Патетика его текста состоит в воссоздании того, как рядовые труженики осмысливают происходящее, преобразуются вследствие сложного и болезненного духовного созревания.

Шолохов, внешне, стоит на позиции «невмешательства», предпочитая изложение фактов, а не комментарии. Некое представление об авторской оценке изредка возникает из сложного переплетения образов, поступков персонажей, их нравственных позиций. Историческая злободневность ро-

мана не в пространных суждениях, а в обнаружении непосредственной логики событий, отражении судеб рядовых тружеников эпохи, в духе битвы и сомнений при наличии весьма трагических обстоятельств и конфликтов. И – наконец – в тонкости художественного изображения драматизма борьбы, мастерства создания характеров. Благодаря художественной проницательности М. Шолохова оказывается очевидным, что крестьянство – не некая однотипная масса, а живые люди с весьма многообразными индивидуальными чертами. Шолохов мастерски продолжил то, что начали И. Шухов, Ф. Панферов, но – на новой художественной высоте. В «Поднятой целине» можно почерпнуть правду о коллективизации, о трагедии донского крестьянства, о «великом переломе» в бытии и психологии человека. Роман помогает постичь позицию М. Шолохова в рассматриваемом аспекте.

Это и сегодня востребованная книга, нашедшая в свое время путь к уму и сердцу читателя, которая преподносит действительность как значимые преобразования в жизни народа. М. Шолохов писал роман на основе сравнительно недавних для него событий, происходивших в деревне и коренным образом перевернувших ее: ликвидация кулаков и драматическое вхождение крестьянства в колхозы. Показательно, что фабульная незавершенность I книги обусловлена спецификой разработки темы колхозного строительства у М. Шолохова, жанровым своеобразием книги.

Данные особенности структуры повествования, по сути, являются признаками хроники. Подобная манера изложения, способствующая живописанию процесса «социалистического строительства», используется и северокавказскими авторами 30-х гг. Так, рассказ Х. Гашокова «Трактор и люди» (1934) фактически дан в виде практического репортажа о том времени, когда в ауле происходит существенное политическое и хозяйственное событие – первое появление трактора. Признаки репортажности заметны в первом варианте романа Т. Керашева «Дорога к счастью», автор которого стремится к точности воссоздания этапов коллективизации в ауле.

В первой книге романа М. Шолохова присутствуют многие формальные признаки хроникального жанра: чередование массовых эпизодов и видов природы, экстенсивный сюжет, отправная точка которого находится не в личной жизни персонажей, а в общественно-политической обстановке. В сценах наиболее выразительно воспроизводятся изменения, которые наступили в хуторе. Однако разнообразные зарисовки, составляющие процесс «поднятия целины», объединены одним социальным конфликтом и внутренней художественной логикой: они в некоторой степени обнаруживают внутренний мир рядовых крестьян в поворотные моменты. Драматический накал «сражений» на Дону в период коллективизации у М. Шолохова изображен особенно тщательно и колоритно, выявляя психологические характеристики личности, побудительные мотивы наступления и сопротивления в развернувшейся борьбе за колхозы.

Такова история Давыдова, отражающая накаляющуюся борьбу на хуторе, проявляющуюся в самочувствии хуторян. Данный мотив характе-

рен и для национальной прозы 30-х гг. К примеру, в повести адыгейского писателя рассматриваемого периода Ю. Тлюстена «Путь открыт» (1938) русский рабочий-жестянщик Антон, революционер, занимается просвещением таких, как крестьянин Аслан, указывая на возмутительную общественную несправедливость, которую порождают находящиеся у власти богатей. М. Шолохов тоже не отодвигает на задний план острые проблемы, сопровождающие коллективизацию. Вместе с героями – «потрясающие разными» – писатель пытается найти созидательные начала, которые, вопреки всему, живут в казачестве, в народе, насильно отдаляемом от земли.

Как и в «Поднятой целине», центральный художественный конфликт северокавказских романов об объединении крестьянских хозяйств тоже формируется в процессе ожесточенной борьбы за и против организации колхозов. К примеру, первая балкарская повесть на тему коллективизации – «Бекир» Б. Гуртуева – также появилась в середине 1930-х гг. В ее основе лежит социально-психологическое противостояние колхозников бывшим хозяевам земли – кулакам. Композиция повести обусловлена реализацией данного художественного конфликта.

Столкновение противоположных социально-политических сил в другой северокавказской «деревенской» повести – Х. Теунова «Аслан» (1941) – предопределено традицией и соответствует всем пристрастным требованиям советской литературы довоенного (анализ произведения представлен в IV главе данного исследования) периода. Тем не менее необходимо отметить, что главный узел преступает установленный традицией сценарий типичного для такого периода жизни литературы «бесконфликтного» развития. Острый конфликт, отвечая потребности в жизненной правде, в повести Х. Теунова является более реалистичным, жизненно убедительным для своего времени именно в его исходе.

Таким образом, авторская художественная логика как у Шолохова, так и у национальных авторов, тяготеет к постепенному разрешению конфликта, к естественному вхождению в развивающееся действие новых персонажей, следующих, как правило, за двумя центральными: либо за отрицательным, либо за положительным. Сделав «двадцатипятилетия» Давыдова главным героем, с которым связана основная сюжетная линия, посланцем партии, воспринимавшим колхоз как кратчайший путь к счастью трудового народа, М. Шолохов виртуозно объединил «производственную» тему с «деревенской». Слесарь С. Давыдов выступил в роли организатора крестьянского хозяйства, что напрямую соответствовало идеологическим тенденциям того времени. Однако, вопреки «установкам», в драматической борьбе за колхозы проявились качества Давыдова именно как человека, как личности – глубокой, страстно преданной идеалам гуманизма.

В сценах раскулачивания обнаружилось духовное богатство и другого шолоховского персонажа – Андрея Разметнова. В его образе автор выделяет врожденную чуткость, моральную глубину, умение, вне зависимости от жестких испытаний, сберечь чистоту помыслов. Возможно, именно

с ним М. Шолохов ассоциировал надежды на будущее, сохраняя Разметнова в живых, рассчитывая, что тот будет находить решения по-человечески. В этом плане показателен эпизод, где Разметнов старается отрезвиться от участия в раскулачивании. Эти сомнения Разметнова первоначально обозначались советской критикой 30–40-х годов как проявление несознательности, наивности, дефицита рассудочных оценок. На сегодняшний день волнения и действия Разметнова представляются проявлением драмы, развернувшейся в деревне в «год великого перелома».

Одновременно в романе имеет место не только реальная оценка коммунистов – создателей колхоза, но и воспроизведены конкретные формы коллективизации, к примеру, в воспоминаниях Нагульнова о способах, которыми он убеждал середняков войти в колхоз, – принуждение и наган. Жизнь диктует другие методы, другой стиль работы, что и стараются доказать Нагульнову Давыдов и Разметнов.

При кажущейся близости общечеловеческих представлений трех главных героев о нравственности внимательный взгляд обнаружит, что оценка автором воззрений героев на гуманизм далеко не однозначна: Нагульнову чужды страдания миллионов, в своем отечестве главный принцип для него – «сажать» всех, кто противодействует его рывку. Лишь с течением времени полученные в борьбе уроки человечности начинают влиять на героя. Давыдов – плоть от плоти пролетариата, «земельная, коллективистская» психология вначале не стала частью его мировоззрения, он внимает указаниям «сверху», но, оказавшись в центре событий в деревне, усвоил многое в школе гуманизма, обогащенного искренним сочувствием к жизни труженика вообще.

Конфликтообразующими в романе являются три сталкивающиеся группы персонажей: коммунисты, привносящие в деревню новые идеи; их противники – приверженцы старого социального уклада; и массы казачества. Соответственно в «Поднятой целине» воссозданы три жизненные коллизии, объясняемые сложностью процесса подобного «идеологического становления», когда даже самые сознательные не могли быть уверены в собственной безопасности. Нередкое использование в лексике Нагульнова и партийных районщиков глаголов «нажать, прижать, придавить» выразительно передает состояние участников строительства колхоза. И уже в финале первой книги М. Шолохов – отнюдь не в духе «теории бесконфликтности» – достаточно объективно представляет не слишком привлекательные итоги общественного хозяйствования.

В северокавказской литературе фигура свободного человека, уверенно ступающего по жизни, по аналогии с общероссийской литературой, также выдвинулась на передний план. При этом акцентируется героика труда, провозглашается как идеал праздничность будней, сопровождающаяся эмоциональной солидарностью авторов произведений (в Карачаево-Черкесии – Х. Аппаев, А. Уртенев, Х. Абуков, М. Дышеков, А.-Х. Джанибеков; в Кабардино-Балкарии – С. Кожаяев и др.).

М. Шолохов неизменно заставляет задумываться над пробуждением новых чувств того или иного члена общества. Показательны в этом плане герои «Поднятой целины» Майданников, Дубцов, Аржанов, Рыкалин. Однако популярный, обязательный для большинства произведений 20-30-х гг. мотив моментального коренного перевоспитания, резкого «прозрения» в пользу новой власти имел место во многих произведениях и русской, и национальных литератур. Причем в эмоциональных границах подобного мотива наиболее ярко выразилась характерная и для северокавказских прозаиков рассматриваемого периода слабость – одномоментный и преувеличенно аффективный подход к сложной человеческой натуре (к примеру, Б. Гуртуев «Бекир», Т. Керашев «Арк», Ю. Тлюстен «Аминэт», С. Кожаев «Новь», Х. Гашоков «Трактор и люди», Ф. Абдулжалилов «Бурный поток» и др.). Объективный же взгляд на героев Шолохова свидетельствует о том, что они проходят через сложнейшие и драматические испытания. Автор не стремится убедить читателя в том, что Майданников все-таки сам пошел в колхоз, а затем и в партию. Наоборот, создается впечатление, что его заставили обстоятельства. Свидетельство тому – внутренняя борьба, подлинная драма. Это и есть один из показателей второго плана романа. Такая психология, внутренняя борьба – естественное состояние человека переломной эпохи. Она и составляет второй конфликтный план романа.

Несомненно, жесткая идеологическая схема изначально обрекала роман на «усеченную» правду о времени. Традиционно в советском романе сталинской эпохи совершается кардинальная трансформация изображаемой действительности, в которой счастье разрешаются социальные и психологические конфликты. Однако благодаря художественному дару и гражданской совести М. Шолохова истина все-таки проникла в роман, где художественно состоятельно представлены основные драматические обстоятельства коллективизации.

Вторая книга романа завершается трагически: в схватке с классовым врагом погибли два солдата революции – Давыдов и Нагульников, у которых читатель на протяжении многих десятилетий должен был брать уроки самоотверженности и учиться на их горьких ошибках. На первый взгляд, кажется необъяснимым сходство судеб героев-антагонистов, считавших себя лидерами, а оказавшихся жертвами естественных обстоятельств классовой борьбы. В этом конфликте судьба Давыдова и Нагульнова «заложена» в их морально-политическом «статусе» – они преданные солдаты революции. В отличие от большинства произведений о коллективизации 30-х годов, последние скорбные строки романа – эхо народной трагедии: читатель чувствует ее, глядя в «суровые, безрадостные глаза» Разметнова, стоящего над могилой жены. В финальных словах книги («шла последняя в этом году гроза») нет ощущения торжества воплощенных надежд и чаяний хлеборобов. Природное явление «гроза» становится символом – знамением новых конфликтов.

Практически авторы всех произведений, воссоздавшие трагические обстоятельства в стране, в том числе и в северокавказском ауле, восприняли опыт М. Шолохова. К примеру, такое творческое воздействие просмат-

ривается в романе адыгейского писателя Т.М. Керашева «Дорога к счастью»¹. В частности, отображение идеологически обязательного мотива трудного «нравственного взросления» главного героя, характерное для шолоховского романа, критика сочла тем новым, что можно считать в некоторой степени достижением младописьменной прозы. Напротив, по ходу развития повествования балкарский писатель Б. Гуртуев в повести «Бекир» пошел вполне предсказуемым для бесконфликтной литературы путем. В один момент вдруг «одумавшийся» бездельник Бекир принимает участие в работе и вскоре становится активным колхозником.

Однако психологическая коллизия в рассказе Т. Керашева «Арк» (1925), излагающая истоки формирования национального характера, который складывался не одно столетие, убедительна, ибо активное переустройство идеологии героя, преобразование его душевного состояния не навязываются автором читателю.

Безусловно, не смог избежать декларативности другой адыгский писатель – Ю. Тлюстен. В сюжетной основе его первого рассказа «Аминэт» (1936) г. – также события в деревне; образ положительного героя претерпевает изменения и получает соответствующее нравственное наполнение в зависимости от социально-исторической обстановки. Но, подобно начинающим писателям, Ю. Тлюстен изображает представителей неимущего класса сугубо положительными людьми, храбрыми, душевными, способными к самопожертвованию, подлинными борцами за коммунизм. Клише в системе образов порождает клише в поэтической и стилистической структуре, в данном случае – неминуемую в таких ситуациях описательную публицистичность, облегченное снятие противоречий, развязывание узлов коллизий.

Осмыслению процессов преобразования жизни аула, изменению менталитета сельчан посвящены многие произведения северокавказских писателей: «Тяжелая операция» Д. Мамсурова, «Пробуждение гор» Х. Жирова, «Бурный поток» Ф. Абдулжалилова, «Куко», «Состязание с мечтой» Т. Керашева, «Слияние рек» и «Белая кувшинка» Д. Костанова, «Путь открыт» Ю. Тлюстена и «Весна София» А. Шогенцукова.

Проблемы людей труда, молодого поколения, трансформация сознания стоят в центре внимания многих литератур народов Северного Кавказа. Авторы нередко обращаются к трудовому прошлому своих народов, что легко объяснить желанием пройти по следам предков-тружеников, найти те нити, которые связывают день ушедший, сегодняшний и грядущий, хотят оценить события и факты истории. Так, однотипна в тематическом плане с рассказом Ю. Тлюстена «Путь открыт» повесть кабардинского писателя С. Кожаяева «Новь» (1934), в центре которой – молодежно-комсомольские бри-

¹ Исследование этого вопроса см. у Шибинской Е. Путь к большому эпическому жанру // Адыгейская филология, Краснодар, 1967; Бешуковой Ф. Указ. соч. Майкоп, 1996; Латышева О. Указ. соч. Майкоп, 2000. При этом следует отметить, что задолго до романа «Поднятая целина» некоторые материалы романа Т. Керашева как очерки появились в национальной периодической печати: Коммунист Биболет // Газета «Адыгэ псыуэл» («Адыгейская жизнь»), 1926, 25 марта и др.

гады, соревнование между ними и составляет основу конфликта произведения. И вновь столкновение по шолоховскому принципу – группа борцов за колхозы противопоставлена его врагам. Но М. Шолохов раскрывает социально обозначившуюся борьбу в деревне, глубоко проникая в общественные и психологические процессы. К сожалению, национальные авторы зачастую лишь обозначают конфликты, пытаются их разрешить в общем столкновении социальных сил, в котором непременно победителями выходят представители нового. В младописьменных литературах подобные произведения стали популярными благодаря тому, что в них через изображение нравов, психологии, менталитета народа читатель узнавал многое о его прошлом. Тем не менее в национальной прозе фактически отсутствовал объективный анализ сложившегося в деревне конфликта, вместо него – прямое публицистическое указание, не требующее необходимых мотиваций.

В то же время источником художественного познания становится личность, неразрывно связанная с историей общества. К примеру, перевоспитываемый герой С. Кожеева внимательно прислушивается к мнению товарищей о своей работе, о собственных просчетах, стремится понять то новое, что его окружает, с большим интересом стремится к неизвестному, желая обогатить знания. Таков и герой романа черкесского писателя Х. Абукова «На берегах Зеленчука» (1930) Хасан, батрак, оказавшийся в конфликте с сыном кулака, – персонаж, развивающийся в контексте окружающей его действительности. Новые условия жизни выводят на первый план героя-бедняка, который еще недавно не был ничем примечателен. В центре новых сложившихся и развивающихся обстоятельств оказываются человек и народ.

Классовое противостояние порождает сложную психологическую ситуацию. Хасан Х. Абукова, как и Исхак Т. Керашева, как и Бекир Б. Гуртуева, мучительно ищет причины социального неравенства и со временем неизбежно находит их. И в конце повествования перед читателем – уже зрелый, уверенный в суждениях, убежденный в правильности избранного пути коммунист. Однако путь психологического преобразования личности остается за рамками повествования. Здесь вновь наблюдается явление необоснованного социального «прозрения», характерное для русской и национальных литератур 30-х гг.

Таким образом, налицо влияние шолоховского опыта на «деревенскую» прозу в целом и роман о деревне эпохи соцреализма в частности. Шолоховский «деревенский эпос» вдохновлял отечественную прозу на создание в крупных жанрах аналогичных произведений. К сожалению, зачастую они страдали описательностью, сюжетным схематизмом, односторонностью трактовки героев и обстоятельств и т.д.

В третьей главе «Художественная специфика решения «колхозно-производственной» проблематики в отечественной прозе 40-х – начала 50-х годов» характеризуются источники художественных конфликтов литературы 40-х – начала 50-х годов, характер противостояния в них участников, типы героев, особенности разрешения конфликта. Подчеркнута связь данной эстетической проблемы с судьбой социалистического реализма.

Победное завершение войны с фашизмом, переход страны к восстановительному труду оказали позитивное влияние на дальнейшее развитие отечественной литературы. Но принципы и методы партийного руководства литературой существенно не изменились, что сказалось и на решении проблемы художественного конфликта.

Зачастую создавались произведения, в которых противостояние обычно осуществлялось по схеме с не переменным наличием строго положительного персонажа, потенциального или явного победителя. При этом в большинстве текстов 40-х – начала 50-х гг. сглаживание жизненных противоречий в конечном итоге приводило к приукрашиванию их социального содержания. Идеализация реальности затушевывала динамическую остроту ее трагизма. Однако к 60-м годам существенно изменилось отношение к истории и теории социалистического реализма¹. Типично в этом плане суждение профессора Л.И. Бронской, объясняющей «своеобразное межумочное положение даже талантливого художника, идущего в русле социалистического реализма» тем, что понятие «реализм» «утрачивало свой первоначальный смысл, а его эстетические принципы деформировались под сильным давлением большевистской идеологии», что и привело в конце концов к кризису социалистического реализма. «Он проявился в жесткой регламентированности системы персонажей, которым отводились те или иные социальные роли в застывшей сюжетно-композиционной структуре»². Движущей силой «производственного» конфликта стало противостояние приверженцев нового на производстве тем, кто воплощает консерватизм, сопротивляется внедрению передовых форм труда. Вследствие этого конфликт предстает чрезмерно однозначным.

Характеристика героико-патриотических мотивов художественных произведений периода Великой Отечественной войны объясняет и создание определенного типа героя – средоточие гражданских качеств, – и первые попытки заговорить о вреде «бесконфликтности» и о «лакировке» действительности, о необходимости искренности в советской литературе, что можно считать первыми робкими признаками пробуждения общественной мысли. Однако эта тенденция интенсивно не проявилась, т.к. отсутствовали социальные условия для ее обозначения.

Рассматриваемая в диссертации «колхозно-производственная» тема, закрепленная ранее в произведениях А. Первенцева, Ф. Гладкова, А. Караваевой, М. Шагинян и др., в 40-50-е годы нашла отражение в динамике

¹ Митин Г. От реальности к мифу // Вопросы литературы. 1990. №4; Белая Г. Угрожающая реальность // Вопросы литературы. 1990. №4; Гройс Б. Утопия и обмен. М., 1994; Соцреалистический канон /под ред. Х. Понтера и Е. Добренко. СПб., 2000; Голубков М. Утраченные альтернативы. М., 1992; Страда В. Советская литература и рус. лит. процесс XX в. // Вестник МГУ. Сер. 9. 1995. №3. С. 96; Смирнов И. Психионистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994; и др.

² Бронская Л. Судьбы реализма. История русской литературы XX века. Ставрополь, 2004. С. 127.

движения от традиционных, строго позитивных «бесконфликтных» установок к преодолению социалистической одномерности литературы.

В годы войны всеобщее бедствие упразднило многие характерные признаки «колхозно-производственной» тематики. В литературе 1941-1945 гг., многогранно изображавшей подвиг народа на войне, гораздо менее представлены существование и труд гражданских людей в тылу. Творчество данного периода было преимущественно публицистическим, и лишь некоторые произведения талантливых писателей обладали значительными художественными достоинствами (К. Симонов «Дни и ночи», И. Эренбург «Буря», В. Некрасов «В окопах Сталинграда», «Василий Теркин» А. Твардовского, лирика М. Исаковского, А. Суркова, А. Фатьянова и мн. др.). Тема тыла осмысливалась в контексте происходящих событий (романы А. Первенцева «Испытание», В. Пановой «Кружилиха», А. Караваевой «Огни»). В главе характеризуются особенности художественных конфликтов в близких по тематике произведениях «Испытание» и «Огни»: борьба коллективов оборонных заводов за выпуск военной продукции на эвакуированных предприятиях.

Тема всенародного подвига разворачивается в повести Веры Пановой «Кружилиха» (1947) в глубоком тылу, в поселке, где размещен большой завод, в котором работают коренные пролетарии, сцементированные с заводом в течение жизни ряда поколений. Такую особенность, которую критика считала существенным недостатком произведения, – отсутствие типичности обстоятельств и героев¹, диссертант склонен относить к несомненному достоинству, позволяющему уже говорить о произведении В. Пановой как о некотором исключении в традиционной «типической» литературе конца 40-х гг., о выходе писателя к большим проблемам. Впервые за многие годы здесь был поставлен вопрос о губительности для интеллигенции той духовно-нравственной атмосферы, которая сложилась в стране.

Во время войны тема крестьянина-солдата в литературе, «трудящегося на поле боя», на время отодвигает «колхозную» тему в ее эстетических связях с воссозданием крестьянского труда, психологии, быта, национальной культуры.

Во второй половине 40-х – начале 50-х годов появление новых «колхозно-производственных» героев и обострение конфликтов обуславливаются характером текущей действительности. С войны приходили люди, выдержавшие серьезные нравственные и психологические испытания, с опытом, приобретенным в экстремальных ситуациях. Эти особенности сказались на расширении типологии конфликтов в какой-то степени из-за осложнения международного политического положения и резкого обострения идеологической, в первую очередь, антимилитаристской критики на этапе начавшейся «холодной» войны. Проблема труда, постигаемого как закономерное продолжение фронтового подвига, проблема счастья, воспринимаемая в непрерывной связи личного и общественного, разрешаются в произведениях конца

¹ Литературная газета, 1948, №22, 62, 66; журнал «Октябрь», 1948, №2.

40-х годов на материале военных лет и последующего восстановления народного хозяйства («Счастье» П. Павленко, «Журбины» В. Кочетова, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского, «Жатва» Г. Николаевой). Причем переход к мирной жизни был переходом к нелегкому труду в основном женщин и подростков, что сказалось на своеобразии конфликтов.

«Колхозно-производственные» конфликты, отодвинутые на второй план, теперь заметно приблизились к читателю. В центре произведений – процесс восстановления сельского хозяйства, часто исследуемый в рамках «теории бесконфликтности», благополучный и успешный: освоение целинных и залежных земель, рост производства зерна; новая система планирования, по мысли властей, гарантировавшая успешное развитие колхозного хозяйства.

В то же время нельзя назвать «бесконфликтными» сюжеты многих произведений – «Далеко от Москвы» В. Ажаева, «Искатели» Д. Гранина, «Дом у дороги» А. Твардовского, «Весна в «Победе» Н. Грибачева, «Рабочий день» М. Луконина, очерки Б. Галина, В. Овечкина и др., – создающих неоднотонную палитру изображения труда.

Диссертант рассматривает своеобразие художественного разрешения конфликтов в «Журбинах» В. Кочетова, «Далеко от Москвы» В. Ажаева, в романах С. Бабаевского; характеризует романы Г. Николаевой «Жатва» и «Битва в пути», новую очеркистику на «производственно-колхозную» тематику (В. Овечкин, Г. Троепольский).

Наблюдения позволяют сделать некоторые выводы относительно сложности осмысления и преодоления «теории бесконфликтности».

Одним из ключевых, конфликтообразующих мотивов следует назвать мотив возвращения вчерашнего воина к мирной жизни, последующая за ней адаптация, участие в возрождении разрушенного войной хозяйства, «культурная революция» на селе. Фронтовики, заступившие на командные посты в родных колхозах, вереницей проходят перед читателем в произведениях Г. Николаевой, В. Кочетова, А. Рыбакова, представляя разные судьбы. Например, инициатор последующей реконструкции завода, старший из сыновей большой семьи из романа В. Кочетова «Журбины» (1952), – Антон Журбин – лишается в бою ноги. Потеря возмещается успешной социальной реабилитацией – неким вознаграждением за его страдания. Тяжелая утрата играет роль классического катарсиса в судьбе, после чего он заканчивает институт, встречает любовь, создает новый завод, становится отцом и пишет стихи, которые «почти цифры».

Известные постановления ЦК ВКП(б) (1946-1952 гг.) по вопросам литературы и искусства продекларировали «моральную ответственность советских художников», в том числе и писателей, «обязанных удовлетворять увеличивающиеся культурные требования многомиллионных народных масс», преодолевать застой в художественной жизни, который вновь складывался в середине 50-х годов, после подъема духовного воодушевления в ходе войны и нескольких послевоенных лет.

Первые симптомы надвигающегося кризиса в литературе проявились в решении проблем созидательного труда, творческой деятельности людей и партийного руководства, которые стали настойчиво подниматься в ряде произведений «производственной» тематики (Б. Галин – «В одном населенном пункте» и «В Донбассе», А. Рыбаков – «Водители», «Екатерина Воронина», «Лето в Сосняках» и др.). Однако задачи, здесь поставленные перед авторами, – давать социально-нравственные уроки, как должны строиться отношения в обществе, чтобы трудящийся человек существовал «бесконфликтно», – были заведомо нерешаемыми.

Литература характеризуемого периода отразила начало кризисного состояния общественного сознания в то время, когда старые суждения о сущности и движущих силах развития социалистического общества перестали соответствовать действительной ситуации, а новые еще не выработались. К середине 50-х годов принципы творческого олицетворения «колхозно-производственной» темы значительно трансформировались, изменились в качественном плане общество, сама специфика труда, а, следовательно, и природа столкновения. Это способствовало амортизации, а в ряде эпизодов – совершенному аннулированию психологических стимуляций конфликтов и действий. Вновь занял видное место культ производства, профессии, оттеснив в сторону тягу искусства к разнообразным человеческим типам («Стахановцы» П. Шебунина, первая редакция «Горячего чая» О. Зив, «Металлисты» А. Былинова, «Новый профиль» А. Бека).

Таким образом, в конце 40-х годов эпосно-монументальный или идиллический пафос все чаще становятся эстетическим камуфляжем, посредством которого видоизменяется послевоенная действительность (в романах «Кавалер Золотой Звезды», «Свет над землей» С. Бабаевского, отчасти в романе «От всего сердца» Е. Мальцева). Здесь герой имеет дело с рядом факторов и ситуаций, принуждающих соглашаться с ними как с бесспорной, неустранимой для героя объективной непредвзятой реальностью. Причем эти обстоятельства воспитывают людей в духе покорности внешней воле. В результате конфликт, доминирующий в произведении, разрешается вдруг неким «happy end», независимо от усилий участников.

Однако справедливости ради следует отметить, что наличие идеализации действительности, так называемой «лакировки», было психологически объяснимо и имело зачастую определенный позитивный смысл. Жанр утопии отнюдь не является чем-то второсортным. Феномен романов С. Бабаевского и В. Кочетова, сценария фильма Ивана Пырьева «Кубанские казаки» и других подобных текстов очень устойчив и, как видим, востребован по сей день.

Диссертант согласен с концепцией В. Сурганова, выявляющего в первой послевоенной литературе на «колхозно-производственную» тему два направления. В рамках первого писатели создавали «схематичные», односторонние сюжеты, избегали попыток углубления во внутренний мир персонажей, предопределяли принцип «бесконфликтности» в судьбе героя,

живописали полотна искусственного, запланированного изобилия, достигаемого вопреки воле природы (С. Бабаевский, Е. Мальцев и др.). Вторая тенденция, направленная на приумножение лучших художественных завоеваний литературы, некоторое время не могла возобладать в чистом виде ни в одном из произведений, обращенном к колхозно-деревенской жизни 40-х годов», т.к. проявлялась и утверждалась в ошутимом противодействии первому замыслу. Те произведения, где эта поляриность привела к наиболее сложным результатам, явили вклад в дальнейшее движение темы, среди них роман Г. Николаевой «Жатва» (1950)»¹.

Обращаясь к структуре произведений данного периода, следует отметить, что существует постоянно используемая фабула в прозе на «колхозную» тему: обязательное изображение в качестве главного персонажа председателя колхоза и закономерно заданная зависимость развития хозяйства от его личных качеств (повесть В. Тендрякова «Падение Ивана Чупрова», 1953). Обычно положительный герой всегда добивается успехов в руководстве, а сугубо отрицательный – заводит хозяйство в тупик. Подобного рода фигура стоит и в центре одного из знаковых романов на «колхозную» тему – «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского (1947). В свое время он считался едва ли не главным произведением, определяющим становление послевоенной «колхозной» прозы. Однако, начиная с 1950-х годов, романы С. Бабаевского стали рассматриваться критикой как знаки «лакировки» действительности и «теории бесконфликтности». Здесь большинство персонажей превращается в схематические фигуры, обязанные иллюстрировать конструктивные идеи писателя. Справедливо отмечаемые критикой недостатки еще более обнаружили во втором романе дилогии – «Свет над землей» (1949-1950). В другом ключе, но в магистральных идеях похожим на него был роман Г. Николаевой «Жатва» (1950), воссоздающий сложный механизм деятельности работников машинно-тракторных станций (МТС) трудной зимой 1947 года. Действие разворачивается в колхозе, который потерял во время войны лучших работников. Г. Николаева обращает внимание на отстающее хозяйство, изображая его трудный рост, постепенное выдвижение в число передовых. Автор, хотя и не сглаживает трудностей, но несколько упрощенно очерчивает борьбу с ними. При этом Г. Николаевой все же удается сказать о трудностях послевоенной деревни, что уже выделяет ее произведение из ряда подобных по теме, отводит ему промежуточное место в борьбе противоположных тенденций разрешения конфликта.

Послевоенный роман о современности формально оставался верным технологическим характеристикам произведений предыдущих лет, их производственному антуражу, неумению мгновенно реагировать на актуальные проблемы современности, разделять с человеком его радости и печали. Более того, как и в 30-е годы, появлялись книги («Труд» А. Авдеенко, «Металли-

¹ Сурганов В. Человек на земле. Тема деревни в русской советской прозе 50-70-х гг. истоки. Проблемы и характеры: автореф. дис. д-ра филол. наук. М., 1984. С. 19.

сты» А. Былинова и др.), объект художественного осмысления которых – не создатель «второй природы», а сама «вторая природа». Так, Б. Горбатов в «Донбассе» (1951) писал о новаторских методах угледобычи, у Е. Воробьева в «Высоте» (1951) – центр художественного прогресса – строительство домны, у В. Кочетова в «Журбиных» (1952) – переход на новые методы кораблестроения и т.д. Но необходимо отметить осознанное следование автора узаконенному критикой жанру как новаторскому, развивающемуся художественно в сторону популяризации науки и инженерного труда.

Среди его разновидностей заметно увеличили свой «вес» и книги о рабочем классе и творческом инженерном труде (произведения Д. Гранина, Г. Коновалова, Г. Николаевой, А. Рыбакова). Повышенное внимание к кругу профессиональных проблем обуславливало специфику конфликта и отдельные значимые свойства характера героя. Серьезная тема формирования нового человека поднята Б. Горбатовым в незавершенном романе «Донбасс» (1951), где «наметилась тенденция отхода от «схемы производственного конфликта» и любое «новшество» воспринималось как значительное достижение в литературе»¹. Первое послесталинское десятилетие было ознаменовано серьезными переменами в духовной жизни, а в литературе – усилением критического неприятия художественной фальши. Оно определило многое в содержании предсъездовской дискуссии на Втором Всесоюзном съезде писателей (1954), где М. Шолохов, А. Сурков, К. Симонов и многие другие выступили с критикой состояния современной литературы².

КП поддержала пафос критического отношения к пресловутой «теории бесконфликтности», отмечала необходимость «...создавать искусство правдивое, искусство больших мыслей и чувств, глубоко раскрывающее богатый душевный мир советских людей»³. Но при этом указала недвусмысленно на задачу «утверждать величие нового строя», что в атмосфере неудовлетворенности людей в труде, нужды, социальных неурядиц было скорее формой пропагандистского пафоса.

Однако и в такой ситуации некоторые писатели приходили к признанию существования серьезных конфликтов в неантагонистическом обществе, требующих осмысления на теоретическом фронте. Здесь, естественно, начала разворачиваться борьба с «теорией бесконфликтности», с теорией «положительной сатиры».

Перелом 1952-1953 гг. постепенно созрел на фоне объективного процесса движения всей общественной мысли. Возникли серьезные теоретические вопросы. Появлялась и другая литература. В. Овечкин в книге «Районные будни» (1952-1956) и Г. Тропольский в цикле «Из записок агро-

¹ Демина Л. Эволюция конфликта как идейно-эстетической категории в русском литературном процессе 50-60-х гг. М., 2001. С. 177.

² Второй Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. С. 9, 238, 506, 507, 533 и др.

³ Там же. С. 8.

нома» (1953) первыми «пробили внушительную брешь» в позициях писателей, активно провозглашавших «всеобщее благополучие». Скромно озаглавленные очерки В. Овечкина показали истинные беды послевоенной деревни, обнажили ее социальные и нравственные проблемы. «Дорога откровенности», проложенная усилиями В. Овечкина и Г. Троепольского для Е. Дороша, В. Тендрякова и С. Залыгина, дала начало развитию целой линии в современной русской литературе – фактографически-обличительной, строгой, лишённой внешних эффектов, размышляющей очерковой прозы. Самим жизненным материалом она подтачивала мифологемы литературы соцреализма об идеальной советской жизни и человеке-герое, идущем «все вперед – и выше» под вдохновляющим и направляющим руководством партии.

В диссертации подчеркивается новизна «деловой» прозы В. Овечкина, созданной на фактах реальной экономической и социальной жизни людей из глубинки и впервые ставшей предметом глубокого эстетического переживания и явлением правдивой литературы. Объективный показ советской деревни 50-х годов в очерках В. Овечкина и книгах Г. Троепольского обозначил серьезный поворот к жизненной правде. Г. Троепольскому удалось гармонично ввести в композицию сатирического рассказа одновременно с искусно созданными образами отрицательных персонажей объемно выписанные фигуры носителей позитивных начал жизни.

Развитие критических мотивов в идеологическом наполнении преобразовало ситуацию в литературе, способствуя появлению произведений, в которых стала проследиваться диалектика трансформаций в развитии конфликта. В первую очередь, новые художественные тенденции отразились в книгах о деревне. Общественное звучание приобрели рассказы и повести «Ненастье», «Не ко двору», «Тугой узел», «Ухабы» (1954-1956) В. Тендрякова, «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» (1954) и «Битва в пути» (1957) Г. Николаевой, «Рычаги» А. Яшина (1956), «Снегири» (1953) Г. Бакланова, «Деревенский дневник» (1954-1964) Е. Дороша, «Дело было в Пенькове» (1957) С. Антонова, «Орлиная степь» (1959) М. Бубеннова, «Владимирские проселки» В. Солоухина и др.

При всем проблемно-тематическом многообразии перечисленных произведений, в них все явственнее проступала острота коллизий, убедительность ряда характеров, новизна художественных решений. Способствовала этому активизация критики (К. Симонов, Г. Померанцев, А. Крон и др.). Достижением стали более или менее удачные стремления проникнуть в суть общественных конфликтов, осмыслить их, поддержать новое, умное, жизненное; смелость решений данных конфликтов. Однако рецидивы бесконфликтности порой проявлялись в философском отрицании противоречий в период перехода к коммунизму, заданности образов, иллюстративности.

К «производственной» прозе в широком смысле можно отнести произведения 50-70-х годов о таких видах человеческой деятельности, как, например, научные экспедиции, книги о полярниках, исследователях при-

роды (В. Пескова, Г. Федосеева, В. Конецкого, Ю. Смуула). Внешне поведения малоконфликтны, но уже по иной, более органичной причине: в них изображена трудовая деятельность коллективов-единомышленников, объединенных общей целью, заботами, интересами.

Тогда же появляются произведения о медицинской, научной и технической интеллигенции («Дело, которому ты служишь» Ю. Германа, «Коллеги» В. Аксенова, «Кафедра» И. Грековой, «Южно-Американский вариант» С. Залыгина, произведения Ю. Трифонова, «Не хлебом единым» В. Дудинцева и др.) Здесь профессиональная жизнь героев, как и в «Искателях» Д. Гранина, не является лишь неким антуражем, скорее всего она катализатор острых нравственных коллизий. Характеристика романа «Искатели» (1951-1954) позволяет показать в нем приметы переходного периода, где пересекаются старое и новое в раскрытии характеров и конфликтов. Д. Гранин пытается разрешить сложные проблемы, минуя идеализацию героев, наполняя их образы психологическим содержанием, хотя и не все автору удается.

Своеобразной вехой на пути создания «литературы сомнений» в правомерности существования политического режима 50-х годов явилась повесть И. Эренбурга «Оттепель» с ее многозначительной символикой. Несмотря на споры литераторов о силе или слабости образа «оттепели» в системе политического режима, повесть стала знаковой для нового периода целой эпохи, эпохи, в которую творили Д. Гранин, Е. Евтушенко, А. Вознесенский, В. Дудинцев, К. Паустовский. Подобная литература уводила читателя с магистральных путей «строителей социализма» в реальный мир российских «проселков», в котором нет внешней героики, патетики, но есть поэзия, народная мудрость, великий труд, любовь к родной земле.

На фоне «производственной» и «деревенской» прозы конца 40-х – начала 50-х гг. созревают отдельные признаки психологизации литературы через ее «лиризацию» – явления, обозначенного позже А.И. Солженицыным в «Слове при вручении премии Солженицына Валентину Распутину» следующим образом: «А правильной было бы назвать их нравственниками, ибо суть их литературного переворота – возрождение традиционной нравственности, а сокрушенная, вымирающая деревня была лишь естественной наглядной предметностью»¹. «Лиризации» «производственной» темы в 50-60-х годах было положено начало произведениями В. Солоухина, В. Тендрякова, Ф. Абрамова, В. Астафьева; в адыгейской литературе – романами «Состязание с мечтой» Т. Керашева, повестями А. Евтыха «История одной женщины», «След человека», лирическими новеллами Х. Ашинова и др. Заметное воплощение этот процесс находил в российской сценарной литературе и драматургии.

В четвертой главе «Преодоление «теории бесконфликтности» и своеобразие художественного осмысления «производственной» проблематики в северокавказской прозе» методологический аспект построен на рассмотрении позитивных и негативных сторон воздействия «производственной»

¹ <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook027/01/predmetnyi.htm#i99>

проблематики с ее конфликтами в русской литературе на художественно-публицистическое творчество писателей Северного Кавказа и Дагестана.

В 40-60-е годы эффект влияния и крепнущего взаимодействия был значительно и своеобразно усилен историческими обстоятельствами военных и дальнейших послевоенных лет. Их характеристика включает литературные события (писательские съезды и дискуссии по идеолого-эстетическим проблемам, в центре которых находились все обостряющиеся к 50-м годам вопросы социологии и литературы, «теории бесконфликтности» в искусстве, структуры образа положительного героя и др.). Точка зрения литераторов и критиков своего времени (30-50-х годов) соотносится с современным прочтением многонационального творчества. Внимание сосредоточено на таких художественных явлениях, как произведения Т. Керашева, Ю. Тлюстена, А. Евтыха (адыгейская литература); Адама Шогенцукова, С. Кожаева, Х. Теунова, Д. Налоева, З. Максидова (кабардинская литература); проза Карачаево-Черкесии (Х. Абукова, А. Охтова, Х. Гашокова, Х. Аппаева); творчество С.-Б. Арсанова и И. Папаскири (абхазская литература); представителей балкарской (А. Узденова), кумыкской (А. Аджаматова) и дагестанской (Абу-Бакар) литератур.

В данной главе принцип внимательного прослеживания конфликтов ряда показательных произведений сочетается с обзором характерных примет и качеств, возникающих в литературе означенного периода под воздействием «теории бесконфликтности», причем учитываются наблюдения, сделанные в предыдущих главах. В процессе осмысления проблемы превалирует сравнительно-сопоставительный анализ особенностей художественной реализации темы производственного и сельскохозяйственного труда, диалектики его нравственных оценок, влияния на судьбу человека, формирования новых социальных качеств в обстановке напряженных испытаний историей и общественным строем.

Отбор и группировка произведений осуществлены согласно принятой в науке периодизации развития литературы Северо-Кавказского региона, хронологии творчества писателей и особенностей функционирования их произведений в общественном и читательском восприятии.

Так, в первой группе произведений о классовой борьбе в деревне и коллективизации находятся «Щамбуль» («Дорога к счастью») Т. Керашева, «Аслан» Х. Теунова, «Путь открыт» Ю. Тлюстена.

Произведения второй группы типологически близки к отечественной литературе постановкой проблем послевоенной деревни. Рассмотрены «колхозные повести» А. Евтыха («Превосходная должность» и др.), романы Т. Керашева «Состязание с мечтой» и Ю. Тлюстена «Ожбанокеры», произведения А. Аджаматова «В кумыкской степи», А. Мудунова «В родном селе». В отдельный класс выделены повествования, строящиеся на своеобразии конфликтов, связанных с новой судьбой горянки. Речь идет о повестях И. Папаскири «Женская честь», А. Евтыха «Девушка из аула», Адама Шогенцукова «Весна Софият».

Ряд произведений привлекается в роли «поддерживающего фона», т.е. дополнительных аргументов в пользу главных художественных идей в произведениях той или иной группы. Таковы «Арк» Т. Керашева и «Новь» С. Кожаяева, «Трактор и люди» Х. Гашикова, «Бурный поток» Ф. Абдулжалилова, «Петимат» С. Бадиева, «Когда познается дружба» С.-Б. Арсанова и др. Многие произведения рождаются типами конфликтов и героев.

В романе Т. Керашева «Щамбул» («Штурм») впервые открыт художественный мир новосозданной адыгской действительности. Это был первый адыгский роман о годе «великого перелома», отличавшийся «глубинным аналитическим психологизмом характеров людей» (Н. Приймакова). В свое время получил высокую оценку многонациональных литераторов и по сей день остаётся произведением основоположника адыгейской литературы, творчески осваивавшего уроки И.С. Тургенева и М. Шолохова.

Сюжетообразующими в романе являются стержневые события исторического периода становления советского образа жизни в ауле, раскулачивание и глобальная ломка традиционного мышления. Социально-классовый конфликт, ставший общим для всей литературы, разрешается на материале конкретного адыгейского аула, жизнь которого должна представлять социальный разрез всего общества. Однако капитальные и драматические проблемы аула получили здесь типическую для времени облегченную реализацию: стремление автора к «всеохватности» ослабило развитие основного художественного конфликта (К. Шаззо). Но многоплановое бытописание Т. Керашева, как и художественная гармония жизни М. Шолохова, предназначены исследовать типичную для эпохи драму сознания сельского жителя, с его трудным освобождением от вековых традиций, приковавших его к собственности. Этот момент ярко выделен в «Щамбуле». Роман близок к ряду других адыгских романов темой становления личности положительного героя и борьбы женщины-горянки за своё место в новоорганизуемом обществе. Поэтому почти в каждом произведении на тему труда конфликты борьбы за женское равноправие и формирование личности героя играют серьёзную сюжетообразующую роль.

Совсем в ином художественном решении представлен конфликт в повести Х. Теунова «Аслан». В основе ключевого конфликта – тоже классовые противоречия. Сюжет повести базируется на воссоздании стихийного протеста человека из народа, очерчивается процесс активизации его классового сознания традиционно – под воздействием русского рабочего-революционера. Стержневым персонажем повести является бедняк Аслан, в чьей судьбе сказываются типичные обстоятельства жизни кабардинского крестьянина, в котором постепенно пробуждается противостояние миру, лишаящему человека людского счастья. Поиски Асланом истины обнажают внутреннюю сторону социального конфликта – рождение и созревание человеческой мысли, поступка, их связь и развитие. Психологизм характера героя исследователи обоснованно считают основным художественным достоинством повести.

Важно то, что автор представляет героя на пути к сознательной борьбе, сохраняя перспективу последующего личностного воплощения. Формируя открытую композицию, Х. Теунов расширяет сюжетно-композиционные границы повести, давая возможность применения средств психологизма в создании образов главных героев.

Именно показ психологического процесса духовного перерождения Аслана большинство кабардинских критиков считает новаторством Х. Теунова, а его повесть – фактором, заложившим основы реалистической, социально значимой линии в развитии кабардинской прозы (Л. Кашежева), по существу, началом реалистической психологической прозы (А. Мусукаева).

При анализе повести «Аслан» критик К. Шаззо назвал ее композиционную схему «трехступенчатой», весьма распространенной в новописьменных повествованиях о духовной эволюции главного героя. Действительно, став стереотипной для первых опытов молодых авторов, трехступенчатая композиция проявила себя и в повести адыгейского автора Ю. Тлюстена «Путь открыт».

Это произведение критик Р. Мамий квалифицировал как «первую и хорошую попытку Ю. Тлюстена отразить в эпическом повествовании тему Великого Октября, охватить жизнь в ее изменчивости в «переломный период», показать становление нового типа национального характера». Центральный персонаж – молодой крестьянин Аслан – под влиянием русского революционера Антона становится большевиком и проходит путь политического взросления вплоть до предревкома и борца за социалистическое строительство в ауле. Образы Аслана, Антона представлены на фоне сложной жизни аула. Автор стремится обрисовать те стороны жизни, которые помогают проявлять «человеческое в человеке», обосновать его путь от стихийного бунтарства «к сознательному участию в революционном движении» (У. Панеш). В то же время не все психологически мотивировано в быстром росте социального сознания героя, нередко в ущерб исследованию внутреннего мира главного героя автор «сбивается» на привычную тропу описательности. Однако в прозе Ю. Тлюстена наметилась отчетливая тенденция постепенного перехода от описательности к некоторой психологизации (романы «Ожбаноквы», «Девичьи зори» и др.)

Одной из наиболее частых в северокавказской тематике труда являлась тема становления личности женщины-горянки. Ее сюжет подразумевал вопрос о месте героини в новом обществе, а также об изменении в мышлении и душе горянки в послереволюционную эпоху. Как справедливо утверждают современные исследователи (Ф. Хуако), повести черкесских писателей М. Ахметова «В нашем ауле», Ц. Коховой «Фатимат», А. Охтова «Камень Асият», балкарского писателя А. Узденова «Саньят», абхазского писателя И. Папаскири «Женская честь», дагестанского писателя А. Абу-Бакара «Даргинские девушки» и наиболее зрелое и лиричное произведение северокавказской прозы рассматриваемого периода – «Весна София» Адама Шогенцукова – составляют далеко не полный список повестей, в

центре которых – судьба горской девушки, освобождающейся от устаревших этических и социальных установок и ищущей свое место в исторической действительности. Главная героиня всех произведений, как правило, являлась выразителем авторских замыслов, связанных с показом процессов изменения человеческой сущности в непрерывной борьбе с социальной несправедливостью.

Анализу повести Адама Шогенцукова предшествует характеристика героини «Дороги к счастью» Нафисет, чей образ стал для адыгейской литературы последующих лет во многом эталоном мужественного порыва к свету знания, женского достоинства и общественного служения. Верность Т. Керашева этой теме нашла выражение в романах «Состязание с мечтой», «Куко», «Дочь шапсугов», «Одиноким всадник». Новаторство в решении темы женского равноправия – в поэтической трактовке образов девушек в «Состязании с мечтой» и психологизме показа женщины в стихии искусства. Новое слово в адыгейском романе было сказано посредством изображения труда молодежи, ее духовного мира.

В этом плане близка к роману Т. Керашева кабардинская повесть «Весна Софият». Сюжету повести «Весна Софият» не присуща напряженная занимательность, весь поток писательского внимания автора ориентирован на детальное и вместе с тем лирическое воспроизведение преобразований, совершавшихся во внутреннем мире героини. Писатель последовательно представляет путь духовных исканий Софият, изображает, в силу каких исторических, социальных, общественных причин происходит формирование ее мировоззрения. А это, в свою очередь, позволяет показать не только исторический путь народа, но и особенности его национального развития, раскрыть психологию человека с присущими ему духовно-нравственными возможностями.

Относительно простой сюжет строится на реализации мечты молодой кабардинской девушки, которая становится трактористкой и трудится на том же тракторе, на котором возделывал колхозные поля ее погибший брат. Таким образом, в центре повествования оказывается столь востребованное в те годы изображение нового, «созидательного», патетического отношения к труду, соответствовавшего соцреалистическим нормам.

Девушка испытывает искреннее счастье: «Необходимость преодоления самой себя, желание утвердить себя в этом преодолении составляют ступени развития и разрешения внутренних психологических конфликтов»¹.

Обратим внимание на мнение по этому поводу другого автора, Э. Мальбахова: «Она узнала не только светлое чувство любви, но и гордое чувство человеческого достоинства. Она ощутила в себе силы, способные преодолеть любые жизненные невзгоды, силы, которые помогли ей отрешиться от старых, отживших представлений о роли и месте женщины в обществе»².

¹ Шаззо К. Художественный конфликт и эволюция жанров в адыгских литературах. Тбилиси, 1978. С. 134.

² Мальбахов Э. Творчество Ад. Шогенцукова // Очерки истории кабардинской литературы. Нальчик, 1968. С. 285.

Л. Кашежева справедливо считает несомненной художественной ценностью произведения «...живые, выпуклые характеры наших современников, выведенные во всей сложности и многогранности их жизненной судьбы и психологии»¹. «Весна Софият» А. Шогенцукова признана в критике наиболее зрелым произведением, расценена как повесть о молодой горянке, ищущей свой путь и находящей его в непрерывной борьбе с пережитками прошлого, еще существующими в горных аулах и селах, автор которой осмысливает важнейшие исторические события в судьбе народа через показ участи отдельной личности.

«Весну Софият» северокавказская критика назвала «поэмой в прозе». Ю. Либединский, по существу, говорит о том же, указывая на «правдивое изображение жизни человеческой души, умение раскрыть пафос и поэзию дела, казалось бы, самого обыденного»².

В этой ранней и, как может представиться, экспериментальной повести А. Шогенцукова уже обозначено свойственное всему его дальнейшему творчеству обостренно пристальное внимание к слову. Так, А. Мусукаева отмечает: «Произведения Шогенцукова «начинают» с малого, известного, конкретного, обыденного, чтобы «кончить» великим, значительным, обобщенным, общественно значимым»³. Или мнение Р. Гамзатова: «В повести А. Шогенцукова «Весна Софият» рассказывается о горянке-кабардинке, ставшей трактористкой, о больших событиях в ее жизни. До сих пор наши прозаики и поэты, создавая образ горянки, прежде всего, подчеркивали, какие права она приобрела. А. Шогенцуков в «Весне Софият» показывает свою героиню уже как активную участницу строительства другой, светлой, жизни. Это – новое явление в нашей литературе»⁴.

Однако при всей лирической прозрачности и одухотворенности проза в северокавказской литературе была тесно связана с теорией и практикой «бесконфликтного» творчества. Да и сама Софият, героиня повести, как и герои Х. Теунова («Подари красоту души»), А. Евтыха («Превосходная должность», «Аул Псыбэ»), дагестанских или осетинских повестей, все же шли по той линии, которая неуклонно приводит их к счастливой развязке. Ведь сразу после войны, в условиях большого, драматического дефицита мужчин-работников и дефицита тракторов (машин) женщины-вдовы пахали, сеяли, убирали урожай на своих исхудавших коровах, а дети их оставались дома некормленными, полураздетыми; и ни одна из них не могла считать себя счастливой по той простой причине, что ни хлеба, ни мануфактуры не было.

Колхозная форма жизнедеятельности заходила в тупик, и оставшиеся в живых после войны крестьяне постепенно и неукоснительно становились врагами земли, которая их не только кормила, но и сделала рабами.

¹ Кашежева Л. Кабардинская советская проза. Нальчик, 1962. С. 97.

² Либединский Ю. День Советской Кабарды // Лит. газ. 1955. 25 июня.

³ Мусукаева А. Жанровое обогащение кабардинской повести. Нальчик, 1972. Вып. 7. С. 219.

⁴ Гамзатов Р. Навстречу современности. URL: www.gamzatov.ru/articles/articles12.

Свидетельства поисков писателями выхода из замкнутого круга, стремления решать вопросы, которые не имели гуманистического решения, выразились в «колхозном романе» северокавказских авторов. О нём шла речь в гл. II диссертационного сочинения. В данной главе автор касается типологически общих вопросов, связанных с попытками писателей преодолеть бесконфликтность в своих сюжетах.

Примечателен горький опыт А. Евтыха, который один и тот же «колхозный» сюжет транслировал во многих повестях начала 50-х годов, стремясь найти и раскрыть какие-нибудь новые грани традиционного конфликта в партийно-секретарских и колхозно-председательских отношениях: вариации на тему повести «Аул Псыбэ» породили на русском и адыгейском языках повести «Девушка из аула», «У нас в ауле», «Солнце над нами». При этом «круги» повествования то расширялись до районного звена, очень редко – до областного, то непременно возвращались к исходной точке, к событиям в одном колхозе. Но в любых разворотах все дела решались мирно, райком «исправлял» местных начальников, а они, в свою очередь, – подчиненных; любящие соединяли судьбы, и сюжет завершался непрерывной картиной всеобщего благоденствия. Эстетика счастливого конца была требованием соцреалистической поэтики эпохи торжества «колхозного романа».

И хотя Т. Керашев в «Состязании с мечтой» своеобразно осмысливает сельскую проблематику, переводя «экономический, производственный» сюжет в повествование о глубинных духовных и нравственных коллизиях в душе и сознании молодых людей, писатель не мог отойти от магистральной линии литературы (как от своей национальной, так и от общесоюзной), в которой мажорная нота определяла не только концептуальные решения проблем социальной и психологической жизни общества, но и характер сюжетно-композиционных построений, жанрово-стилевых и языковых поисков писателей. Минорный мотив как жанровый или стиливый элемент был противопоказан для этих произведений. Радостный, веселый настрой оказался органически присущ романам Ю. Тлюстена «Девичьи зори», «Ожбанокковы», Д. Костанова «Белая кувшинка», «Слияние рек». Рецидивы романа С. Бабаевского «Кавалер Золотой звезды» сказались на массе однообразных героев, раскрывающихся в одних и тех же конфликтах¹.

Их анализ в произведениях северокавказских литератур, литератур Дагестана и Средней Азии, русской литературы, полемика с рядом критиков своего времени и современности дают возможность автору работы сделать следующие обобщения и выводы.

Драматизм процесса революционных преобразований, обличения классового врага служили конфликтообразующим элементом северокавказской прозы, как и в близких по тематике русских романах. При некоторой общности сюжетов и попыток овладеть школой политической борьбы для авторов тематически близких к роману М. Шолохова произведений наиболее сложными оказались проблемы художественного мастерства. Начало их

¹ Шаззо К. Указ. соч. Тбилиси. 1978, с. 20.

решения было связано с трудным преодолением описательности в атмосфере усиления ограничительно-нормативных тенденций, установок на «доходчивость» и «понятность» искусства, что способствовало иллюстративности, поверхностной реализации конфликта. Литературное произведение находилось в плену «теории бесконфликтности», мнимого праздничного оптимизма, подчинения героя (народа, коллектива) диктату государственного мышления. Вместе с тем северокавказские писатели располагали сложным и богатым национальным материалом и искали соответствующие формы его литературного воплощения. Отсюда вполне оправданный опора на свою национальную культуру и поиски образцов в инонациональном опыте, в частности, – у М. Шолохова, В. Ажаева, С. Бабаевского, Е. Мальцева, Г. Николаевой и других авторов. Нужно подчеркнуть, что к 60-м годам интерес к производственным проблемам начинает уступать свою художественную энергию проблемам частной жизни, заботам молодого поколения, позитивным изменениям в менталитете нации. Соответственно преодолеваются обязательные установки на «бесконфликтность».

В **Заключении** излагаются результаты исследования, формулируются основные выводы, к которым приходит автор в результате проведенной работы, о том, что продукты «теории бесконфликтности» в отечественном искусстве и литературе были всеохватным явлением на протяжении почти полувека, а их преодоление – тяжелым, сложным, многогранным, но весьма позитивным многоуровневым процессом.

Список работ, опубликованных по теме исследования

I.

Рецензируемые, реферируемые научные журналы, рекомендуемые ВАК:

1. Нагапетова, А.Г. К вопросу о теории художественного конфликта / А.Г. Нагапетова // Вестник Адыгейского госуниверситета. – Майкоп, 2008. – №1. – С. 15-18.
2. Нагапетова, А.Г. В контексте «теории бесконфликтности» / А.Г. Нагапетова // Вестник Адыгейского госуниверситета. – Майкоп, 2008. – №6. – С. 149-155.
3. Нагапетова, А.Г. Роман о деревне и проблемах художественного конфликта (к постановке вопроса) / А.Г. Нагапетова, У.М. Панеш // Вестник Адыгейского госуниверситета. – Майкоп, 2008. – №6. – С. 143 - 149.
4. Нагапетова, А.Г. Трудовая тема в советской литературе I пол. XX в. / А.Г. Нагапетова // Культурная жизнь юга России. – Краснодар, 2008. – №4. – С. 89-91.
5. Нагапетова, А.Г. Послевоенная «производственная проза»: конфликты и перспективы ее развития / А.Г. Нагапетова // Вестник Адыгейского госуниверситета. – Майкоп, 2008. – №10. – С. 145-150.
6. Нагапетова, А.Г. Своеобразие решения идеи художественного конфликта в романе В. Ажаева «Далеко от Москвы» / А.Г. Нагапетова // Вестник Адыгейского госуниверситета. – Майкоп, 2009. – №1. – С. 32 -38.

7. Нагапетова, А.Г. «Производственная» тематика в советской прозе 1930-х гг. / А.Г. Нагапетова // Культурная жизнь юга России. – Краснодар, 2009. – №1. – С. 88-92.

8. Нагапетова, А.Г. Проблема бесконфликтности и ее отражение в советской «производственной» прозе 20–30-х годов XX века / А.Г. Нагапетова // Культурная жизнь юга России. – Краснодар, 2009. – №2. – С. 78-80.

II.

9. Нагапетова, А.Г. Проблемы бытия и быта в творчестве. М. Зошенко / А.Г. Нагапетова // Советский менталитет: источники и тенденции развития (социальный и педагогический аспекты): материалы межвуз. конф. – Армавир, 1994. – С. 3-4.

10. Нагапетова, А.Г. Некоторые аспекты развития культуры XX века. Процессы ремифологизации / А.Г. Нагапетова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: сб. тез. науч. конф. – Армавир, 1998. – С. 34-36.

11. Нагапетова, А.Г. Особенности литературного процесса послевоенного десятилетия / А.Г. Нагапетова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: сб. тез. науч. конф. – Армавир, 1999. – С. 54-57.

12. Нагапетова, А.Г. Традиция и антитрадиция в литературе на тему войны / А.Г. Нагапетова // Филологический вестник. – Майкоп: Изд-во АГУ, 1999. – №1. – С. 68-75.

13. Нагапетова, А.Г. К вопросу о типологии конфликта / А.Г. Нагапетова // Образование. Наука. Творчество. – Армавир, 2008. – №1. – С. 57-59.

14. Нагапетова, А.Г. Об эстетическом своеобразии «производственной» прозы / А.Г. Нагапетова // Образование. Наука. Творчество. – Армавир, 2008. – №3. – С. 17-20.

15. Нагапетова, А.Г. Литература в зоне «остановленного времени» / А.Г. Нагапетова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: сб. тез. науч. конф. – Армавир, 2000. – С. 128-130.

16. Нагапетова, А.Г. Концепция личности в романах А. Фадеева "Молодая гвардия" и Ю. Тлюстена "Немеркнущий свет" / А.Г. Нагапетова. – Майкоп, 2000. – 38 с.

17. Нагапетова, А.Г. Экоантропоцентризм художественной культуры / А.Г. Нагапетова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: сб. тез. науч. конф. – Армавир, 2001. – С. 128-130.

18. Нагапетова, А.Г. Модель человека в советской культуре / А.Г. Нагапетова. – Армавир: ИЦ АГПИ, 2001. – 174 с.

19. Нагапетова, А.Г. Типологические связи романов А. Фадеева "Молодая гвардия" и Ю. Тлюстена "Немеркнущий свет" / А.Г. Нагапетова // Филологический вестник. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. – №3. – С. 55-60.

20. Нагапетова, А.Г. Идея диалога культур в изучении культурологии / А.Г. Нагапетова // Развитие непрерывного педагогического образования в новых социально-экономических условиях на Кубани: сб. тез. науч. конф. – Армавир, 2002. – С. 67-69.
21. Нагапетова, А.Г. К типологии развития реализма в европейском искусстве конца XIX – начала XX века / А.Г. Нагапетова // История и обществознание: научный и учеб.-метод. ежегодник исторического факультета АГПУ. – Армавир, 2002. – №2. – С. 109-115.
22. Нагапетова, А.Г. Социалистический реализм: поиски социокультурных оснований / А.Г. Нагапетова // Филологический вестник. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. – №4. – С.65-73.
23. Нагапетова, А.Г. Современная социокультурная ситуация в России / А.Г. Нагапетова // Актуальные проблемы культурологии и методики ее преподавания. – Армавир, 2003. – С. 120-123.
24. Нагапетова, А.Г. Проблема трагического в русской культуре рубежа 19-20 в.в. / А.Г. Нагапетова // История и обществознание: научный и учеб.-метод. ежегодник исторического факультета АГПУ. – Армавир, 2005. – №3. – С 85-89.
25. Нагапетова, А.Г. Некоторые особенности отечественной литературы XX в. / А.Г. Нагапетова // Сборник науч.-метод. работ АЛУ. – Армавир, 2006. – С. 110-115.
26. Нагапетова, А.Г. Религиозно-философский смысл русской культуры середины XIX – начала XX вв. / А.Г. Нагапетова // Духовно-нравственный потенциал России: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Армавир, 2007. – С. 135-138.
27. Нагапетова, А.Г. Природа конфликта в отечественном литературоведении / А.Г. Нагапетова // Образование. Наука. Творчество. – Армавир, 2007. – №5. – С. 95-97.
28. Нагапетова, А.Г. Общечеловеческая ценность русской культуры / А.Г. Нагапетова // Россия и Запад: прошлое, настоящее, будущее, перспективы развития: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Армавир, 2007. – С. 276-281.
29. Нагапетова, А.Г. Бесконфликтность в отечественной литературе / А.Г. Нагапетова // История и обществознание: научный и учеб.-метод. ежегодник исторического факультета АГПУ. – Армавир, 2008. – С. 75-77.
30. Нагапетова, А.Г. Человек в «производственном» романе Ф. Гладкова «Цемент» / А.Г. Нагапетова // Творческая индивидуальность писателя: теоретические аспекты изучения: сб. материалов междунар. практ. конф. – Ставрополь, 2008. – С. 165-169.
31. Нагапетова, А.Г. К вопросу художественного конфликта в русской прозе послереволюционного десятилетия / А.Г. Нагапетова // Актуальные проблемы науки в контексте православных традиций: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., 28-29 февраля 2008 г. – Армавир, 2008. – С. 129-132.

32. Нагапетова, А.Г. О некоторых особенностях конфликта в послевоенной «производственной» прозе / А.Г. Нагапетова // Литература народов Северного Кавказа: художественное пространство, диалог культур: материалы всерос. науч. конф., 23-25 октября 2008. – Карачаевск, 2008. – С. 163-172.

33. Нагапетова, А.Г. Концепция личности в советской культуре (на примере произведений литературы послевоенного десятилетия) / А.Г. Нагапетова. – Армавир, 2008. – 160 с.

34. Нагапетова, А.Г. Судьба коллектива как сюжетно-композиционный фактор «производственного романа» в отечественной прозе послевоенного периода / А.Г. Нагапетова // Россия и Запад: прошлое, настоящее, будущее, перспективы развития: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Армавир, 2008. – С. 139-143.

35. Нагапетова, А.Г. Социокультурный смысл отечественной литературы послевоенного десятилетия / А.Г. Нагапетова // Социокультурные трансформации в России: исторический опыт, проблемы, перспективы: междунар. науч.-практ. конф., 3-4 октября 2008. – Армавир: РИЦ АГПУ, 2009. – С. 211-217.

36. Нагапетова, А.Г. «Теория бесконфликтности» творчества и художественно-эстетические поиски отечественной литературы 20-х – 50-х годов XX века / А.Г. Нагапетова. – М., 2009. – 246 с.

НАГАПЕТОВА Анжела Герасимовна

**ПРЕОДОЛЕНИЕ «ТЕОРИИ БЕСКОНФЛИКТНОСТИ»
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ «ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ» ПРОБЛЕМАТИКИ
В СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПРОЗЕ 20–60-Х ГОДОВ XX ВЕКА**

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

Подписано в печать 13.03.2010 г.

Формат бумаги 60х84¹/₁₆. Бумага ксероксная. Гарнитура Таймс.

Усл. печ. л. 2,75. Заказ №032. Тираж 100 экз.

Издательство МГТУ

385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, 191

